

КІ1429975

Сергей Орлов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ст

шр. 74.

P2
0-66

Сергей Орлов

СТИХОТВОРЕНИЯ

~~Ленинградская
районная
библиотека~~

~~ИСКЛЮЧЕНО
Акт №~~

Советский писатель
Ленинград
1956

КТ 1429975

~~ЧЕРЕПОВИЦКАЯ
районная
детская
библиотека~~

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

+ KP

PC

0-66

ЭКЗАМЕН

Побывал я в клубе армейском.
Не бывал я там целый век.
Принимало меня семейство,
Может, в тысячу человек.

«Встать!» — и ветер прошел по залу,
Мне ж хотелось сказать: «Садись».
Повстречали меня сначала,
Будто гость я, а не танкист,

Будто я не того же братства,
Жженный, стреляный, фронтвой,
И неловко мне было в штатском
Проходить сквозь солдатский строй.

На широкой тесовой сцене
Бархат прошелестел и смолк.
И в какое-то вдруг мгновенье
Я припомнил гвардейский полк.

Будто в прошлое настезь двери
И друзей голоса в ответ:

— Что ж, послушаем и проверим —
Стихотворец ты или нет.

Почитай, мы примем экзамен... —
И читал я им у костра
Под открытыми небесами
Возле Мги стихи до утра.

Снова мне танкисты не верят
И глядят, прищурясь, вослед:
— Что ж, послушаем и проверим —
Ты на деле танкист или нет...

Нужно им доказать стихами,
Что я брал в сорок третьем Мгу,
Что прицелом и рычагами,
Словно рифмой, владеть могу...

Зал откашлялся, смолкнул, замер...
Понял я: лишь спустя семь лет,
Вот сейчас я держу экзамен —
Стихотворец я или нет.

* * *

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я — восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не выдавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв
На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
Я глянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взором
Шагал напрямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,

Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не ценя,
Не слушая песенку птицы,
Что встала у солнца, звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
— Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь.

На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу, —
Не поздно пока еще, друг.

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных окопных потемках
Я письма твои ожидал,

Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила, как чудо,
Когда умолкала гроза,
Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего. . .

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

* * *

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли...
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы все сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщенье
О путь-дороге нашего полка...

* * *

1

Руками, огрубевшими от стали,
Писать стихи, сжимая карандаш.
Солдаты спят — они за день устали,
Храпит прокуренный насквозь блиндаж.
Под потолком коптилка замирает,
Трещат в печурке мокрые дрова...
Когда-нибудь потомок прочитает
Корявые, но жаркие слова,
И задохнется от густого дыма,
От воздуха, которым я дышал,
От ярости ветров неповторимых,
Которые сбивают наповал.

И, не выдавший горя и печали,
Огнем не прокаленный, как кузнец,
Он предкам позавидует едва ли,
Услышав, как в стихах поет свинец,
Как дымом пахнет все стихотворенье,
Как хочется перед атакой жить...
И он простит мне в рифме прегрешенье...
Он этого не сможет не простить.

Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе ни при чем.
Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
И тот нашел в воронке под огнем.
Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска. . .
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках. . .

Идут солдаты, от сапог
До плеч белы в пыли,
Среди исхоженных дорог
По лону всей земли.

Деревья шелестят в лесах,
Звенит в ручье волна,
Звезда мерцает в небесах
Им по ночам одна.

Всегда одна, всегда одна
Средь фронтовых ночей.
Всегда видна, всегда видна
В пять пламенных лучей.

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

За нами где-то по дорогам тыла
Шли танки и машины по ночам.
Пехота, растянувшись, подходила
И молча рассыпалась по лесам.
А здесь в окопах, на переднем крае,
Была такая всюду тишина, —
Казалось нам, оглохшая, слепая,
Устав от шума, спать легла война.
На солнцепеке улеглась на бруствер,
На срезанную минами траву...
Солдаты брились, пели песни грустно,
Писали письма в Киров и Москву.
Нас все же — необычная, большая —
Тревожила, знакомая, она,
Пока мы не припомнили: бывает
Перед грозой такая тишина...

* * *

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин «КВ» ушло в атаку.
Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.
Ключьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.
Влили водки им во рты ребята,
На руках снесли до медсанбата,
Молча у носилок постояли,
И ушли туда, где танки ждали.

КАРБУСЕЛЬ

*Памяти товарищей, погибших
под Карбуселью*

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних земель
Их послал в этот край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли...

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят...
В золотой тайге на зимовьях глухих
Краснобурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым вслед не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну, а им еще б жить да жить! ..

Прогремели орудия слово свое.
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до нее. . .
—Завтра мы возьмем Карбуселы!

ТАНКИ В НОВГОРОДЕ

Мать — новгородская София...
Стены опаленного Кремля...
Через улицы твои пустые
Мы прошли с ветрами февраля.

Громыхая тяжкою броней,
Будто витязи седых времен,
Александра Невского герои —
Танковый отдельный батальон.

* * *

Кузнечики стучат в траве,
Как танки вдалеке.
Молчат тяжелые «КВ»
В густом березняке.

В высоком небе белый след,
Как тропка через лес...
Зенитки самолету вслед
Пятнают свод небес.

Шум на дороге фронтовой.
Стучит она, гремит...
Регулировщик под сосной,
Как стрелочник, стоит.

Поднимет флаг — и путь открыт!
Другой поднимет — стой!
Пылит, сверкает и гремит
Денечек фронтовой.

ЭТО БЫЛО 19 МАРТА 1943 ГОДА

Над Ладогою шла весна.
Был март. И снег ложился мокрый
На сосны ветреные, на
Весь приозерный дикий округ.

С пяти до десяти была
Артподготовка. Сосны срезав,
Передний край врага мела.
Гроза огнем, свинцом, железом...

Сигнал атаки прозвучал
Открытым текстом в шлемофонах,
И лес разверзся, зарычал
И двинул вдаль слонов по склонам.

Белы, приземисты и злы,
Они полезли на высоты,
Ломая тяжкие стволы,
И вслед за ними шла пехота.

Так высота взята была.
И вылез командир из башни,

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.З. Бабушкина

1429975

17 КОСД.М.В.С.

РАЙОННАЯ
БИБЛИОТЕКА

ЧЕРЕПУШСКАЯ
РАЙОННАЯ
ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Взглянул — сожженная до тла,
Земля лежала правдой страшной. . .

На ней святая кровь друзей.
И командир, смежив ресницы,
Подумал горько, что на ней
И колос, может, не родится.

ПЕСНЯ О КОЧЕГАРЕ

Мы себе ее переложили —
Песенку, в которой моряки
В море кочегара хоронили.
А у нас ни моря, ни реки...
Нету кочегара, но механик
Рычагов не в силах удержать.
От него напрасно ждет в Рязани
Писем озабоченная мать...
Песню мы певали вечерами —
На рассвете снова жаркий бой.
Знали мы: кого-то между нами
Ждет напрасно мать к себе домой.
Потому и пелось нам особо:
Может, про себя ее поешь,
Может быть, в брезентик, вместо
гроба,
Друга завтра в полдень
завернешь...
Но хотелось очень, чтобы случилось
Все не так, чтоб мать-старушка нас
Все-таки с войны домой дождалась.
Песня, песня, где друзья сейчас?..

ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЯНКОЙ

А мы в землянке обжились
И называем нашим домом,
Как будто в ней живем всю
жизнь,

И жизнь иная незнакома,
Как будто нары в два ряда,
Скрипучий стол — стоят
от века,

И не придумать никогда
Жилья иного человеку.
А нынче мы бросаем дом...
Чтоб масло разогреть и воду,
В костре столы и нары жжем,
Машины на ветру заводим.
Мы не вернемся вновь назад:
Мы этот день два года ждали.
Ракеты к западу летят,
Зовут грохочущие дали.
Мы рады покидать свой дом.
Прощай, землянка, мы уходим!
Пусть зарастает лопухом
Тропинка торная при входе...

АТАКА НА РАССВЕТЕ

Заря сверкнула над равниной —
И вот фашисты наугад,
По солнцу, мина вслед за миной,
Как очумелые, палят.

Они палят, палят с заката...
Но солнце расстрелять нельзя,
И умолкают автоматы,
И тишина встает, грозя.

А мы встаем несметной силой,
Штыками раздвигая тьму,
Как бы дорогу для светила
Прокладывая в злом дыму.

ПЫЛЬ

Песок горячий на зубах,
Пыль на траве и тяжесть зноя,
И невысокий куст зачах
От пыли каменного слоя.

Всё по краям пути в пыли,
Дорога сбита до обочин.
Нет, не века по ней прошли,
А только две военных ночи.

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему, как мавзолей, земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

* * *

Жить от атаки до атаки,
Мечтать о письмах и тепле,
И не отдать огонь бивака
За все удобства на земле.

Мы знаем хлеба с солью цену
И сладость из ручья воды.
Что перед ними всей вселенной
И яства и садов плоды!

ПЕСЕНКА

Нам не страшно умирать,
Только мало сделано,
Только жаль старушку мать
Да березку белую!

Что не сделал, то друзья
За меня доделают,
Расцветет, где лягу я,
Цвет-березка белая.

Только кто утешит мать
В день, когда долинная
Будет Русь сынов встречать, —
Кто заменит сына ей?

Кто откроет, как всегда,
В дом к ней дверь широкою?
Кто обнимет мать тогда
В праздник, одинокую?

ОСЕНЬ

Широким журавлиным клином
Последний выбит летний день,
Погреться у костров рябины
Сошлись избушки деревень.

Тоска, дожди, туман и слякоть,
Глубокой осени пора...
Как будто мир сошлись оплакать
Кричащие в полях ветра.

Над красноватым эшелоном
Дымки — прощальные платки...
Мелькают в глубине вагонов
Шинели серые, штыки...

Под ветром шелестит березник,
Ему последний лист ронять...
И женщина у переезда —
Солдатская, должно быть, мать —

На поезд смотрит без движенья,
Подняв ко рту конец платка.

В глазах ее — благословенье
И древняя, как мир, тоска. . .

Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать-Россия,
Глядишь во след своим сынам?

НА МАРШЕ

Пыль позади на сотни метров,
Песок скрипучий на зубах,
Машины дышат жарким ветром,
И рычаги горят в руках.

Прилечь бы на траве сожженной
Хоть на обочине, в пыли,
Уснуть, не сняв комбинезона,
Из рта не выплюнув земли. . .

А мы спешим, спешим на запад,
Как будто там, где пушки бьют,
Прохлады тополиный запах
И долгий отдых выдают. . .

Ревут моторы на подъемах,
Дрожит, покачиваясь, лес. . .
Идут машины, словно громы,
Сошедшие с крутых небес.

Колышется под ними лето,
От ветра клонятся кусты. . .
И молнии лежат в кассетах,
Из меди звонкой отлиты!

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы все перенесем с тобой:
Мы люди, а она стальная...

*Матери,
Екатерине Яковлевне*

* * *

Погадай мне в этот вечер,
Нагадай червонный дом,
С незнакомой дамой встречу,
В брюках, в ватнике, с ремнем.
Может, с картами согласно,
В чаще рыжей, в тьме ночной
Огонек забрезжит ясный,
Словно в сказке, предо мной.

И скажу я: «Стань, избушка,
Передом... Наедине
Не тебя ли мать-старушка
Нагадала в карты мне?»
Хорошо в лесной землянке
Сапоги у печки снять,
Стукнуть, так сказать, по банке,
Завалиться на ночь спать.

Но вокруг лишь тьма ночная,
Дождь стекает по броне,

Да «Калугу» вызывает
Мой стрелок-радист во сне...
«Ни огня, ни темной хаты»
В карты старенькие, знать,
Нам, неверящим солдатам,
Мать не сможет нагадать...

НА НОЧЛЕГЕ

День короткий, путь далекий,
А над домиком дымок.
Мы к хозяйке черноокой
Забрели на огонек.

Самовар золотозубый,
И медали на груди. . .
— Скидывай, ребята, шубы,
В красный угол проходи!

Ты прости нас, молодая,
Мы к тебе, как в дом к себе,
Может, взвод располагает
Твой мужик в моей избе. . .

КОСТЕР

В перелеске давно рассвело,
Мы костер разложили с утра.
Хорошо нам сидеть у костра,
Забирая горстями тепло.

Это очень похоже на дом,
Можно, сидя на хвое, вздремнуть,
И танкист задремал над огнем,
Улыбаясь устало, чуть-чуть.

Он сидел на разбитой сосне,
Улыбаясь сквозь пламя костра...
Знать, привиделась парню во сне
Золотистого лета пора.

Дом знакомый, тропинка к нему,
В палисаде рябина да клен,
И девчонка как песня в дому —
Та, в которую парень влюблен...

Но сигнал пролетел над леском:
Звали нас боевые пути...

И поднялся уже над огнем
Паренек, воротник опустив.

Он спросил, как обычно: «Пора?»
Под ногами взметнулась зола,
И к машине ушел от костра,
Зачерпнув на дорогу тепла. . .

ИРЛАНДСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

В землянке патефон поет
Застольную баском,
Окопный слушает народ,
Собравшись за столом.

Издалека в края войны
Пришла печаль сюда...
Поет сынам чужой страны,
И скорбна и горда...

Поет подряд, который раз —
Уже не сосчитать:
«Миледи смерть, мы просим вас
За дверью подождать...».

Шипит и молкнет черный диск,
Гремит война вокруг.
За дверью слышен мины визг
И в дверь — осколков стук.

Но тут же кто-то встал из нас
И начал напевать:
«Миледи смерть, мы просим вас
За дверью подождать!...».

В танке холодно и тесно.
Сыплет в щели снег пурга.
Ходит в танке тесном песня
Возле самого врага.

Крутит мерзлыми руками
Ручки круглые радист.
Из Москвы, должно быть, самой
Звуки песни донеслись.

Через свист и вой снарядов,
Через верст несчетных тьму,
В песне той живет отрада
Во высоком терему. . .

Хороша та сказка-песня,
Но взгрустнул водитель наш:
«К милой я ходил на Невский,
На шестой, друзья, этаж. . .

И пока гремят снаряды,
Горизонт за Мгой в дыму,

В Ленинград к моей отrade
Нету ходу никому. . .

Вот пойдeм, прорвeм блокаду,
Путь откроем в город наш,
Закачусь к своей отrade
На шестой, друзья, этаж!»

А певец поет, выводит,
Так и хлещет по сердцам. . .
К ней никто не загородит
Путь-дорогу молодца!

* * *

Песня — что-то вроде костра,
Золотому огню сестра. . .

Соберет она на привале
В тесный круг на лугу
солдат

И, подвластная запевале,
Грянет в небо, гармони в лад.

Вот солдаты идут на песню,
Как на светлый огонь
костра. . .

Никому у него не тесно
И не холодно до утра.

Отогрели сердца, как руки,
И легко нам и хорошо. . .
Пусть четыре года разлуки —
Мы, друзья, подождем еще.

Пусть греметь на пути пожарам
И смертям не стихать. . . Пройдем!
Ведь поется в песне недаром
О хорошей встрече потом. . .

ОТДЫХ

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву,
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву.

Трава была зеленой и прохладной,
Кузнечик в ней кощунственно звенел,
А где-то еще ухали снаряды,
И «мессершмитт» неистово гудел.

Так, значит, нам на сутки отпустили
Зеленых трав и синей тишины,
Чтоб мы помылись, бороды побрили
И просмотрели за неделю сны.

Они пройдут по травам невесомы,
Пройдут и сядут около солдат,
О мирном крае, о родимом доме
Напомнят и в тиши поговорят.

Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах городок
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонек,

И взор твой незабвенный и лукавый,
Взор любящий, на век моей судьбы...
Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, растрепав чубы...

ДРУЖБА

Ее начало — в танке тесном,
Где все делилось пополам,
Как черный хлеб, вино и песни,
Необходимые бойцам.
О ней, негромкой и суровой,
В огне проверенной стократ
И освященной алой кровью,
Солдаты вслух не говорят.
Ей клятв о верности не нужно,
Она, такая, выше их.
Солдатская простая дружба —
Как папироса на двоих...

В ЗЕМЛЯНКЕ

Что ж молчишь ты, товарищ бедовый,
И задумчиво смотришь в огонь?
Лучше с песней в землянке сосновой
Разверни на колене гармонь.

Отгремят, как тяжелые грозы,
Беспокойные эти года,
И к родным белозерским березам
Нас еще унесут поезда.

Там родные просторы безбрежны,
И летит над просторами прочь
Ветер с Ладоги, ветер с Онежья
До Архангельска, в белую ночь.

Нам ли хмуриться грустью безвестной?
Как-нибудь проживем, ничего...
Здравствуй, тихая, светлая песня,
С говорком вологодским на «о»!

ПОСЛЕ БОЯ

На закате окончился танковый бой.
Грохотали моторы,
Вдали догорали «пантеры»...
Прокатилась
По синему небу
Над черной землей
И упала
На столбик сосновый
Звезда из фанеры...

СТИХИ О ПЕРЕПРАВЕ

1

Он первый встал на берегу крутом.
Хотелось берег целовать, но сразу
Он лег за рыжеватым бугорком
И бил из пулемета без отказа. . .

Когда же холодеющая кровь
Окрасила желтеющие травы,
Он увидел, подняв устало бровь,
Как тысячи пошли на берег правый. . .

2

Разбиты взрывом гордые мосты,
Стальные фермы под водой ржавеют,
И лишь быки угрюмо с высоты
Глядятся в Днепр, над волнами темнея.

Где яркие ракетные огни,
Где день и ночь грохочет берег правый,
Навеки берега соединив,
Легла на Днепр широкий переправа.

Настил дощатый, сбитый топором,
Перила невысокие шершавы...
Ее зовут торжественно мостом
Суровые строители по праву...

Да, нелегко из камня класть быки,
Стальные фермы возносить над ними,
Чтоб поезда через простор реки
Летели по мостам в огне и дыме.

Но этот мостик, шаткий и простой,
Где «зис» едва ли пробежать сумеет,
Построить было ночью огневой
В сто тысяч раз, пожалуй, тяжелее!

* * *

Дымок — дыхание костра —
Ввысь отлетит и там растает,
А угли на снегу с утра —
Как снегирей багровых стая...

Вспугнув ударом сапога
Горячих птиц, встают солдаты.
Клубятся дымные снега,
С рассвета путь лежит к закату.

А вечером, когда костры
Опять на дальнем побережье,
Гибки, упруги и остры,
Седеющий туман разрежут —

Повесят молча в тишине
Над бивуаком автоматы
И станут гладить по спине
Огонь усталые солдаты,
Весь мир прошедшие в огне...

НОЧЬЮ

Мы к дулам пушек вяжем переноски,
Своих машин выравниваем строй,
А к вечеру ударит ветер жесткий
Угарным дымом, снегом и зарей.

Нога — на газ, рука — к щитку стартера.
Давай колонну выводи, комбат!
В полтыщи лошадиных сил моторы
Во всю стальную мощь свою гремят. . .

Вот тронулась невидимая сила,
И кажется во мгле среди болот,
Что ночь сама по фронтовым настилам,
Время железом, на врага идет.

У СГОРЕВШЕГО ТАНКА

Бронебойным снарядом
Разбитый в упор лобовик,
Длинноствольная пушка
Глядит немигающим взглядом
В синеву беспредельного неба...
Почувствуй на миг,
Как огонь полыхал,
Как патроны рвались и снаряды.

Как руками без кожи
Защелку искал командир,
Как механик упал,
Рычаги обнимая,
И радист из «ДТ»
По угрюмому лесу пунктир
Прочертил,
Даже мертвый
Крючок пулемета сжимая.

На кострах умирали когда-то
Ян Гусс и Джордано Бруно,
Богохульную истину
Смертью своей утверждали...

Люк открой и взгляни в эту башню...
Где пусто, черно —
Здесь погодки мои
За великую правду
В огне умирали!

КУКУШКА

Кукушка куковала на рассвете,
А лесом шла железная страда...
Мы знали, многим жизнь на белом свете
Уже не исчислялась на года.

Но все-таки кукушку мы спросили —
В приметы верят люди на войне, —
И вот по двадцать лет провозгласила
Нам здравствовать кукушка в тишине.

И про себя подумали солдаты:
Когда наступят тишь и мир кругом,
Мы, может, до годов шестидесятых
По предсказанью птицы доживем.

Но вслух никто не вымолвил про это,
Шли молча, пригибая краснотал...
«Какая все же глупая примета», —
Один из нас насмешливо сказал,

Но думал каждый: доживу, возможно,
Не всех людей хоронят на войне,
И эти двадцать лет в лесу тревожном
Накуковала птица только мне.

СМОТРОВАЯ ЩЕЛЬ

В машине мрак и теснота.
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился.

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

* * *

Да, не поле перейти —
Жизнь прожить. А если в поле
Гром снарядов на пути
И огонь на суходоле?

Щели черные траншей,
В ржавой проволоке травы,
В перелеске батарей
Длинные стволы направо.

Метров восемьсот пути
Под огнем косоприцельным, —
И по полю перейти
В жизни стало главной целью? . .

Скажешь, глянув на звезду,
Что сквозь тучи светит скудно:
Если поле перейду,
Будет жизнь прожить не трудно. . .

* * *

Как стога стоят снега,
Временный вокзал сосновый.
Станция такая — Мга.

Вспоминаю:
Это слово
Раненый твердил в бреду.
В сорок памятном году
Кровь алела на снегу.
Шел он с ротою на Мгу.
Снайпера за Черной речкой,
А у танка настезь люк,
Дыма синие колечки
Из глушителей...
И вдруг
Опускается механик,
Стукнул дизель и умолк...

Станции лесной названье
Получил наутро полк.
Бредил парень в медсанбате,
Но когда в вечерний час

Диктор из Москвы палате
Зачитал о Мге приказ —
Вытянулся, строг, спокоен,
Щеки смертный снег замел, —
Видно, вплоть до смерти воин
Танк на Мгу упорно вел.
Смерть всю ночь его душила —
Не сдавался нипочем,
И ему хватило силы
В эту Мгу войти с полком.

НА ПРИВАЛЕ

Как из камня высечены сталью,
От сапог до самых плеч в пыли,
Разметавшись молча на привале,
Спят солдаты посреди земли.

А от них налево и направо
Зарева полощутся во мгле,
Догорает грозная держава
В свежей ржави, в пепле и золе.

Батареи издали рокочат,
Утопают города в дыму,
Падают разорванные в клочья
Небеса нерусские во тьму.

Но спокойно за пять лет впервые
Спят солдаты посреди огней,
Потому что далеко Россия —
Даже дым не долетает к ней!

ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

Мы становились на колени
Пред ним под Мгой в рассветный час
И видели — товарищ Ленин
Глядел со знамени на нас.

На лес поломанный, как в бурю,
На деревеньки вдалеке
Глядел, чуть-чуть глаза прищуря,
Без кепки, в черном пиджаке.

Гвардейской клятвы нет вернее,
Взревели танки за бугром.
Наш полк от Мги пронес до Шпрее
Тяжелый гусеничный гром.

Он знамя нес среди сражений
Там, где коробилась броня,
И я горжусь навек, что Ленин
В атаки лично вел меня.

* * *

У огня своя архитектура:
Пламени готические башни,
Дыма голубые купола...
Где я видел странные фигуры?
Вспоминал их у костра на пашне,
Но и память вспомнить не могла.
Может, за Варшавою костелы?..
Может, церкви белые в Софии?..
Или, может, это наши села
Догорали в трудный год в России?..

ПОЕЗД

Простучит по рельсам поезд,
Пронесется эшелон,
В золотых лесах по пояс,
Фонарем мигнет вагон.

Станет вдруг легко и грустно,
Вдаль потянет, позовет...
Кто-то там на полке узкой
Полустанкам счет ведет,

Смотрит в окна долгим взором,
И, повсюду начеку,
Поднимают семафоры
Руки разом к козырьку.

Из Берлина иль из Праги
Едет он к родным местам,
И рябины, словно флаги,
Пламенеют по лесам.

ЖИВАЯ ВОДА

Шел солдат из похода. Жара плыла.
Гимнастерка белым-бела.

Сапоги заскорузлые в глине сухой.
Шел от пыли совсем седой.

Но взлетело на гору шоссе, как струна,
И открылась ему Шексна.

Сто нерусских — зеленых и синих — рек
Пересек для нее человек.

Он с горы сбежал и забрел в реку,
Будто десять лет пареньку.

Снял пилотку, умылся речной водой —
Был седой, а стал молодой.

И легко пошел и решил тогда:
Есть на свете живая вода!

*Матери,
Екатерине Яковлевне*

* * *

Пароход покричал, покричал,
Бросил чалку на мокрый причал.
Я на землю по трапу ступил,
За которую в битву ходил,
Спал в снегу, у лесного костра,
Шел навстречу горячим ветрам.
В танке тесном два раза горел, —
Несмотря ни на что, уцелел.
И в разгар вологодской весны
Возвратился сегодня с войны.
Вот он старый, с разбитым окном,
С тополями родительский дом...

Здравствуй, столько прождавшая мать!
Больше некого нам ожидать.
Пусть ни слез, ни тоски нам теперь,
Пусть разлука уходит за дверь.
Не ушел еще тот пароход,
Он разлуку с собой заберет.

У той березки, где с тобой
Встречались мы вечер каждый,
Пробитое насквозь стрелой
Я сердце вырезал однажды.

Мы говорили, на заре
Прощаясь, перепутав руки:
«Сотрется сердце на коре,
Но не стереть любовь разлуке».

Смешная юность далека...
Ты замужем, и ты забыла
Веснушчатого паренька,
Которого тогда любила.

А я пришел сюда, и вот
Гляжу, один в саду просторном,
Как сердце на коре живет...
И лишь стрела на сердце стерлась...

ПЕРЕД ПОРОГОМ

Все то же — дом и тополь
Комолый у ворот.
Все то — от трав до стекол,
Лишь только я не тот.
Не тот я, не мальчишка
С веселым вихорком,
Знакомый лишь по книжкам
Со всем, с чем я знаком:
С дорогой, с расставаньем,
Со смертью и свинцом,
Со страшным расстоянием,
Где дым и пыль в лицо.
И вот я дверь открою,
И в рубленый проем
Вдруг хлынет все такое,
Что помнится с трудом.
Стою, и силы нету
Тугую дверь открыть.
Хоть кто-нибудь ракету
Додумался б пустить!

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди,
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

* * *

Всю вселенную проехав с боем,
В городок сосновый вологодский
С орденами на груди, героем
Паренек из армии вернется.

В танке он прошел такие дали,
Видел Вену, Прагу золотую.
Нежные паненки улыбались
В Кракове ему напропалую.

Шел он по проспектам Бухареста
И по тесным улицам Софии,
Милых много видел, а невесту
Все ж придется выбирать в России.

Ведь недаром в песенке поется:
Не найти ее по всей вселенной.
В городке сосновом вологодском
Он ее увидит непременно.

В Белозерске, может быть,
иль в Вашках
К пристани выходит ожидая —
Всех милей и всех на свете краше,
Светлая, хорошая, простая.

ВИНО

В подвале каменном вино
Лежало много лет.
В великий день извлечено
Оно было на свет.
В тот день на свете мир настал
После жестоких войн.
Уж, видно, виноградарь знал,
Что будет день такой.
Он выдержал свое вино,
Каким лишь только мог,
И победителей оно
Валило наземь с ног.
Смеялся за столом солдат,
Вином и счастьем пьян:
— Не мог свалить меня снаряд,
А валит с ног стакан!

ДОМА

Всю ночь ворочался в постели
С войны пришедший человек
И слушал, как грачи летели;
Встревоженный ворчаньем рек,
Шинель накидывал на плечи,
Шел на скрипучее крыльцо,
Сутулый и широкоплечий,
Он ветру подставлял лицо.
По плугу тосковали руки,
Тянули, как магнит, поля,
Да, он почувствовал в разлуке,
Что значит для него земля. . .

Он думал, жег табак в ночи
И уходил неспешно в избу,
И слушал, как весна стучит
Дождем и ветром по карнизу.
И только в окна грянул свет
Зарей и песнею скворчиной —
Он вышел в молодой рассвет,
Глазами дымный мир окинул,
Увидел, как мокры кусты,

Поля черны, холмы покаты,
И от напора льдов мосты
На речке выгнулись горбато.
Парная отошла земля,
Плыл лед поемными лугами,
Призывно пахли тополя,
И конь перебирал ногами,
И одуванчик расцветал
У борозды на солнцепеке,
И жаворонок забирал
Все круче в небосвод высокий...

В МЕТЕЛЬ

Зима несет в серебряной пыли
Кудели снежной длинные волокна.
Сугробы, словно волны, подошли
И пеною захлестывают окна.

Несет избу в далекие моря,
В седую замять снеговых видений.
Хвосты жар-птиц опять в печи горят
На звонких на березовых поленьях.

Ковчег сосновый дранкою обшит,
Углом изба врезается в метели.
Качает землю, клонит и кренит,
И небо словно парус в самом деле.

А на столе веселый самовар
От счастья скалит золотые зубы,
И над конфоркою клубится пар
Лихим казачьим светлорусым чубом.

Что нам метель? Бревенчатый ковчег
Сколочен плотно, и пирует сказка

Над самобранкой белою, как снег,
Вся в бусах и в кокошнике угластом.

Вся в лентах, в сарафане расписном
Моя Моревна с острова Буяна,
Мы в полночь непробудную плывем
По снежным безудержным океанам.

Пускай свистит разбойник Соловей
На той сосне косматой, за деревней.
За тридевять земель сбежал Кашей —
Нам песни петь, мед-пиво пить
с царевной.

Последний раз махорочным дымком
Товарищи затягивались круто.
Гремел мотор. Сдвигался с места
гром,

В железо первосортное обутой.
Тяжелой башни резкий разворот —
И в шлемофонах хриплое: вперед!
Вперед!

И скорость третья, и нога
Легла на газ,
И кости вражьих дзотов
Хрустят уже.

Но залегла в снега
Под пулями и минами пехота.
А с флангов жгут термитными
в упор

Тяжелый танк...

И, пламенем задетый,
Захлебываясь дымом, взвыл мотор...
Как молнии во тьму пошли ракеты,
Багровых вспышек непрерывный ряд,
Тяжелых взрывов круглые раскаты —
Но вот уже орудия молчат
И пулеметы,
И пошли солдаты.
И грозное победное ура
Вдаль понесли железные ветра.
И мы пошли, гремели дизеля,
Ночь огненными крыльями

махала,
И, колыхаясь, грузная земля
В прицелах танков на дыбы вставала.

Взошла заря, с утра летят ветра,
 Седые клубы дыма разметая,
 Огонь зари как бы огонь костра:
 В золе и пепле вся передовая.
 А над блиндажем, из последних сил
 Поднявшись к небу, как на пьедестале,
 Он все еще горел, еще чадил,
 Когда его штабисты отыскали.
 Полковник снял в молчаньи с головы
 Тяжелый шлем. Замолкли офицеры,
 Все было здесь понятно для живых:
 И это утро, этот пепел серый,
 И втоптаные в землю сапоги,
 И пушки, искореженные сталью,
 И танк над всем побоищем...
Таким,
 Таким он и стоит на пьедестале.

«Пускай стоит, чтобы кругом цветы,
 Чтоб виден был народу издалека... —
 Сказал полковник. — Чтобы с высоты
 Орудие смотрело черным оком,
 Как в Крым везут и в Сочи поезда
 Далеких мирных жителей на отдых,
 Как ночью с неба падает звезда,
 Сменяются закаты и восходы...»
 Горелой краской пахло от брони
 И известью сырой от пьедестала...

«Пусть дети здесь играют, им в тени
Не жарко будет...» — медленно сказал он.
И рухнула обвалом тишина,
Мы на ходу задраивали люки,
И пороха тяжелая волна
Затворы пушек отвела со стуком.

5

Среди хлебов гранитный пьедестал.
Суровых линий прямота простая.
Тяжелый танк над рощами привстал,
О мужестве векам напоминая.
По толще стали ты определила,
Какие были витязи когда-то,
Коль на плечах своих носить могли
В полсотни тонн брони гремучей

латы.

Танк слышит, как грохочут поезда,
И эхо долго в башне не смолкает...
И по ночам высокая звезда
Встает над ним, горит и потухает.
Зарницы отблеск ляжет на груди,
И тихо вздрогнут неживые траки,
И пристально в просторы поглядит
Тяжелый бог стремительной атаки.

* * *

Человека осаждают сны —
Смутные видения войны.
Он хрипит, ругается и плачет
В мире абсолютной тишины.

Очень тихо тикают часы.
Стрелок фосфорических усы.
Он лежит — седой и одинокий —
Посреди нейтральной полосы.

Светом алюминиевым ракеты
Догорают, и грохочет гром.
Время меж закатом и рассветом
Человек проводит под огнем.

В пустых землянках, в спутанных траншеях
Живет душа исчезнувшей войны,
В глухих углах, где поселились змеи,
Где бревна, как покойники, черны.

Разгладит время жесткие морщины
На всем лице израненной земли,
Не вспомнят люди даже в годовщины
О том, что здесь когда-то битвы шли.

Но, может быть, когда-нибудь потомок
В саду, где вишни с грушами цветут,
Разроет дота древнего обломок
И, содрогнувшись, взглянет в пустоту.

Металл сторевший плесень охватила.
Во тьму песчинки катятся шурша.
Покажется: во мраке притаилась
Войны умершей смрадная душа!

Где тишина и запустенье,
Кладбища тлен —
Геометрические тени
Заводских стен.
Там, за колючею оградой,
На пустыре,
Стальные мертвые громады
Спят на заре.
Огонь зари на ранах рваных
Горит дрожа,
И копоть черная на ранах,
И ржа рыжа.
Грозят стволы орудий черных,
Тупы углы,
И в отделении моторном
Черно от мглы:
Там, где взрывная мощь газойля
Ревела в нем,
Стальные мускулы, как болью,
Свело огнем.
Репей, пробившийся сквозь траки,
Цветет, как кровь,

И ветер танковой атаки
Не вспыхнет вновь,
Не опалит железных легких...
Не встанет вдруг
Танкист,
Открыв движеньем легким
Тяжелый люк.
Но долетает издалека
От хуторов
Глухой дизельмоторный рокот,
Гул тракторов.
И танкам снится спозаранку,
Что по стране
Демобилизованные танки
Идут в огне.
В огне хлебов ведут комбайны
В полях страны...
Бессмертия металла тайны
Им вручены!

ПОЛЕ

Здесь было поле боя, смерти поле,
Зловеще пел над травами металл,
Земля кричала по ночам от боли,
Солдат на этом поле умирал.

Горели танки, черный дым газойля
Вздымался вверх и падал с высоты,
Росли одни посередине поля
Колючие железные кусты.

Теперь пшеницы море золотое
Бушует там, где бушевал огонь,
И тишину над бывшим полем боя
Тревожит только песня под гармонь.

Широкое спокойное раздолье,
Колхозным полем вновь тебя зовут...
Здесь было поле боя, смерти поле —
Отныне поле жизни будет тут!

9 МАЯ 1945 ГОДА

Я помню эту дату в сорок пятом.
Еще война гремела на войне,
А мы, отвоевавшие солдаты,
Ловили рыбу на реке Шексне.

Гребли вдвоем — он левою, я правой,
Вытаскивали сети не спеша.
Под носом лодки расступались травы
И за кормой смыкались, чуть шурша.

Огромный шар поднялся из-за елей
В заре, не догоревшей до конца.
И мы тогда на солнце загляделись,
Не пряча глаз, не отводя лица.

Река неслась, как время, в дымке алой,
Бесшумно отражая небеса.
И ни одной пылинки не упало
Еще на листья, травы и леса.

А в устье, так, что веслагнулись
с треском,
Ворвалась лодка с озера одна,

И в лодке весть на все лады, как песню,
Несли и пели: кончилась война! . .

Так вот он мир! И, позабыв про сети,
Причалив лодку к берегу, бегом
Мы побежали к людям на рассвете—
Мы не могли тот день встречать вдвоем.

Багровый флаг горел, кипел над крышей,
И, может, как в семнадцатом году,
К нему народ бежал, ту весть услышав,
Детишек подбирая на ходу.

С пустыми рукавами председатель
Все речь хотел сказать, как будто спеть,
И молча отворачивался к хате,
А слезы было нечем утереть.

Сейчас для нас как символ день победный,
Победе нашей грозной десять лет,
А он тогда был днем войны последним
И днем начала мира на земле.

Его установили мы, солдаты —
Танкисты, минометчики, стрелки, —
Для всех друзей в том мае в сорок пятом,
Всем недругам на свете вопреки. . .

С тех пор не раз цвели сады на свете,
Но мне то солнце утра не забыть,
Оно всем людям мира в мире светит,
И никому его не погасить.

НА ПОВЕРКЕ

Вечер над землей горит, не меркнет,
Словно знамя в золоте, в шелку.
Не меня сегодня на поверке
Вызывает старшина в полку.

С моего положенного места
Отвечаю старшине не я.
На прогулке запоет он песню
Ту, что пели все мои друзья.

Рота грянет, жарко небосводу,
Тучи выгибаются, звеня;
Знать, с него сегодня помкомвзвода
Спрашивает службу, как с меня.

Бьют о камень новые подковы,
Оборвался свист над головой,
И походный шаг правофланговый
С ходу заменил на строевой.

С ходу не форсировал он Одер
В сполохах гудящего огня,

Но глядят с надеждою народы
На него, как прежде на меня.

На него надеются по праву
Так же, как когда-то на меня,
В главном штабе маршалы державы
И в колхозе вся его родня.

Пламя домен надо мной не меркнет,
Словно знамя в золоте, в шелку.
Не меня сегодня на поверке
Вызывает старшина в полку.

Только пусть там помнят, за морями:
Как и он сейчас в полку, своим
Я считаю полковое знамя, —
Ну как вместе встанем мы под ним?

ПОЛК ОБЕДАЕТ

Встало солнце литое на небосклоне
В полуденной своей, самой яркой, красе,
Ходят песни повзводно в этот час в гарнизоне,
Их выводят старшины из казарм на шоссе.
В гарнизонной столовой щи в котлах прокипели,
Приготовлена рыжих буханок гора,
Жаром пышут котлеты, жир стекает капелью,
Черпаками орудуют повара.
А за окнами лето в гимнастерки одето
И с рассвета полсвета прошагало чуть свет.
Пыль клубит каблуками, бьет железом о камень,
Загорелое лето идет на обед.
А к его гимнастеркам травинки прилипли,
Солью тронуты плечи, щеки выдубил зной,
Но к ветрам и дорогам недаром привыкли,
Рубят правофланговые шаг строевой.
Над столами в столовой бачки, словно боги,
До сиянья надраены мелким песком,
Мисок жаркие диски, запах щей на пороге,
И дежурный с повязкою перед полком.
Полк столы занимает, шумный, бритоголовый,
По команде пилотки летят на скамью,

Хорошо поработать солдату в столовой,
Поработав до пота в учебном бою.
А за окнами клены, в плащ-палатках зеленых,
Встали, как часовые. Птичий смолк перещелк.

Солнце над гарнизоном. Небосвод прокаленный.
Тишина на дорогах. Обедает полк.

НОЧЬЮ В КАЗАРМЕ

От полов непросохших, до блеска надраенных,
Холодок поднимается, как от реки.
Ходит с саблей дежурный над снами хозяином.
В пирамиде луна побелила штыки.
Спят, вернувшись с наряда, стрелки, пулеметчики.
Сладок сон им, как дома родимого дым,
Спят, подсунув ладони озябшие под щеки,
На подушках, набитых сенцом молодым.
Подобревшие лица и губы упрямые
Близким отблеском юности озарены.
Есть в нем домик с березкой и старою мамою,
Снятся ночью солдатам гражданские сны.
В этой комнате, если б могли, мы увидели
Реки, горы, долины, дороги в пыли.
Слесарей, трактористов, веселых строителей,
Мирных жителей — добрых хозяев земли.

ЗАСТАВА ПМЕНИ КОРОБИЦЫНА

В квадратной самодельной раме
Закат меж соснами горит,
Ручей в бурлящем беге замер,
И неподвижно снег летит.

Там, возле старого сарая,
Где до границы два шага,
Со смертью в прятки не играя,
Встречает часовой врага.

Художник-старшина, на славу
Владея кистью, как окно
В далекий день своей заставы
Открыл на стенке полотно.

Тревожный ветер веет в лица
От заснеженного холста,
И бьет с колена Коробицын,
Ни шагу не сходя с поста.

Четыре дула поднимая,
Враги подходят стороной.

Вот-вот ударит пуля злая —
И упадет на снег герой.

Но на заставе знаменитой
Стоит его кровать в ряду;
Подушка аккуратно взбита
И полотенце на виду.

Как будто он кровать заправил
И только что ушел в наряд,
Не зная о бессмертной славе,
Пришедшей много лет назад.

НАЧАЛЬНИК ЗАСТАВЫ

На энской, на дальней заставе,
Где сосны одни да туман,
Начальник заставы отставил
С коричневым чаем стакан.

Включает усталый начальник
Приемник среди тишины
На энской заставе, на дальней,
У самого края страны.

Довернута «громкость» на полный,
И стрелка ползет вдоль шкалы,
Сшибаются радиоволны,
Как бурного моря валы.

Болгарская речь донесется —
Певица в Софии поет,
Начальник легко улыбнется,
Ладонью щеку подопрет.

Припомнит дунайские ночи —
Он был в этих славных местах,

Вот жаль, по-болгарски не очень
Начальник заставы мастак.

Стремительный гул и нестройный
Ворвется в динамик вослед.
Поправит начальник спокойно
На пояс свой пистолет,

Чтоб сесть поудобней, поправит,
Да брови нахмурит слегка,
Да вспомнит о танковой славе
Ходившего к Эльбе полка.

В плащах потемневших, тяжелых
С границы приходит дозор...
Срывается радиоголос,
Негромкий идет разговор:

— Порядок. Оружье почистить,
В сушилку плащи, старшина! —
Как бабочки, мокрые листья
Налипли на стекла окна.

Наверно, в Москве в это время
Такие же листья летят;
Он смотрит в ненастную темень,
Он хочет увидеть Арбат.

И вот, будто в центре столицы,
Средь черной лесной тишины
Куранты гремят на границе,
У самого края страны.

Машины, гудя, пролетают,
А дождь подступил, как стена.
И он старшину вызывает:
— Удвойте наряд; старшина.

ТИШИНА

Тишина на границе такая, что слышится,
Как залетная птица присела на куст
И упругая ветка под нею колыхнется,
Дождь вчерашний роняя, как пригоршню бус.

Тишина на границе такая, что где-то
В речке окунь плеснет, ветер дальний пройдет,
Слышат все пограничники в строгих секретах —
Молодой, но проверенный в деле народ.

Тишина на границе такая, что слышится,
Если за морем вдруг шевельнется война,
Как в порту под пехотою трапы колыхнутся, —
Вот какая стоит на границе у нас тишина!

В ЭТОТ ДЕНЬ

Давно забыты гимнастерки нами.
Мы пашем землю, строим города.
Мы — люди в штатском,
И уже на память
Война приходит реже.

Но когда
Замрут на правом фланге ветераны,
Команда: «Смирно!» —
В тишине дано
Нам с армией припомнить заодно:
Поля,
 полки,
 дороги,
 битвы,
 страны,
Торжественность великого момента.
Там, на плацу открытом, у древка
Пройдут чеканным шагом ассистенты,
И встанет знамя в голову полка —
Тяжелое, горячее, большое,
Все в золоте червонном и шелку,

Овеянное жарким ветром боя,
Навеки прикипевшее к древцу.
Потом качнутся резко клубы дыма
И — настезь люки танков, и взревут
Моторы в тишине неповторимой...
Пусть нас иной теперь волнует труд,
Но, услышав, как понесут моторы
Издалека до нас дошедший гром,
Мы встанем здесь — механики, башнеры —
И номера полков произнесем!

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Под землю веянье ветров,
Площадь Революции. Метро.

Круглые сияют абажуры.
Бронзовые высятся фигуры.
В бескозырке с Балтики братишка,
С Красной Пресни токарь-ветеран,
Девушка с винтовкою и книжкой,
Хлебороб — сибирский партизан —
Дни и ночи, месяцы и годы
Подпирают каменные своды.

А над ними высоко — Москва.
В скверах пробивается трава.
Светят звезды алые Кремля.
Белым пухом сыплют тополя...
На плечах покоится земля!

В ГОРОДСКОМ САДУ

В. Дементьеву

В саду городском в воскресенье
Оркестр на закате гремит,
И ситцевый ветер веселья
По желтым дорожкам летит.
Там вальс в босоножках-обновках
Кружит в хороводе огней
Без отдыха, без остановки,
Волшебною силой своей
Сближая сердца безрассудно,
Дыханье смешав на лету,
Забыть заставляет про будни
И верить велит в красоту
Девчонок с Песчаной и Дольной
И в мужество юных парней,
Которые, видно, из школьных
Вчера еще вышли дверей.
Отважны, сильны, постоянны —
Ты их убеждений не тронь!
Готовы девчонки с Песчаной
За ними в метель и в огонь.

А это, пожалуй, и верно,
Ты только поближе взгляни —
Мы были с тобой в сорок первом
Такими, как нынче они,
Когда оборвался внезапно
Наш вальс на тесовом кругу
И в маршевых ротах на запад
Ушли мы навстречу врагу.
Прощаний не помню короче,
Дороги тонули в пыли.
Мы песню про синий платочек
На память с собой унесли
Из этого самого сада,
В котором играет оркестр
Со старой дощатой эстрады,
Где нет на скамеечках мест.

ПЕРЕД ПАРАДОМ

Уснула города громада,
И, может, час уже гремя,
В ночь за неделю до парада
Идут по городу грома.
На перекрестке иногда
Они встают в равненьи стройном,
А дождь идет, течет вода
По стали пушек дальнобойных,
По башням, блещущим слегка,
И по парням в сукне и коже,
Глядящим с башен свысока
На редких в этот час прохожих.
Газойля дым, походов дым. . .
И приобщенным к славе сталью,
Им думается, молодым,
Что за плечами плещут дали,
В которых Прага и Берлин,
Пожары, рейды, медсанбаты. . .
И вот они глядят с машин,
Как всё видавшие солдаты.

И дела нету им притом,
Зачем без видимой причины
Стоит и мокнет под дождем
Уже немолодой мужчина.

* * *

Люблю строительства леса
И запах стружек на ветру.
Я верю, что земли краса
Вся —
Дело человеческих рук.

Ты выйди в поле — как красив,
Весь огненный под голубым,
Полей возделанных массив
И жаворонка звон над ним,

Красив на речке водопад,
Когда его берут в тиски,
Когда в турбине загремят
Басы тяжелые реки,

И ночь созвездиями сел
Заблещет в темноте густой,
И встанет, ахнув, новосел,
Той зачарован красотой.

И даже небо красотой
Иной заблещет, погляди,
Когда в нем самолетов строй,
Как журавлиный, прогудит.

Оно огромней станет вдруг,
Яснее станет высота.
Лишь в деле человеческих рук
Смысл обретает красота.

* * *

Время песне настало
Выходить на работу.

Что с того, что шагала
Песня в маршевых ротах.
Что с того, что танкисты
В гвардейских бригадах
Выносили со свистом
Песню на автострады
Государств иностранных
И столиц заграничных. . .

С перламутром баяны,
Работы отличной,
Пусть хранят те куплеты,
Что бойцами бывало
Где-то весело спеты
На коротких привалах.
Нынче время такое —
Сняли парни шинели
И для нового боя
Спецодежду надели.

Время острить рубанки,
Топоры и зубила
И вставать спозаранку,
Чтобы в полную силу
Наша грянула песня —
Слово верное на кон! —
Чтобы было ей тесно
И просторно, однако,
Чтоб ее хлеборобы
К себе зазывали,
Чтобы пели и чтобы
Своей называли.

Где-то зори на склоне
Небес догорают,
Ржут далекие кони,
И, в полях замирая,
Ходит песня за речкой
В селе недалечко,
Золотистым колечком
Мотив завивая...

У СЕБЯ ДОМА

Я давно, признаться, не бывал
В городке зеленом, деревянном,
Там, где я десятый класс кончал
И на будущее строил планы.

Было мне все время недосуг,
Некогда домой собраться было —
То меня на север, то на юг
Дальняя дорога уносила.

Где-то город строили в лесу, —
Мне командировка открывала
Новой жизни первую красу,
Будущего самое начало.

Где-то знаменит на всю страну
Стал колхоз успехами своими.
Крыльями фанерными качнув,
Плыл «ПО-два» над далями лесными.

Каждый раз зимою я решал:
Вот домой поеду нынче летом.

Но на Волге строили канал —
Как мне было не увидеть это!

Но в каком бы ни был я краю,
Милую районную столицу,
Тихую провинцию свою
Вспоминал — пусть нечем ей гордиться.

В стороне от всех больших дорог,
От железной за сто километров,
Маленький зеленый городок,
Старый друг с черемуховым ветром,

С вымпелами в зелени рябин,
С поясом тесовых палисадов. . .
И казалось мне, что он один
Не растет, не строится как надо;

Вкруг него, как видно, не найдут
Никаких таких месторождений,
Только реки сонные текут,
Льны цветут да облака плывут,
Да базар шумит по воскресеньям.

На его дощатые мостки
Наконец ступил я нынче летом,
Повстречались мы, как земляки,
И протолковали до рассвета.

Он мне все показывал лицом,
Просто и без хвастовства, как надо, —
Новый тротуар, и новый дом,
И деревья выросшего сада.

Обошел я тот знакомый сад.
Там уже без орденов и планок,
Пиджаки накинув на девчат,
Ходят парни под его баяны.

Я тогда спросил его о том,
Где теперь знакомые ребята,
С кем ходили в детстве босиком
И из юности ушли в солдаты...

Не узнать ребят, по всей стране
Крупными ворочают делами.
И выходит так, что наравне
Славой мы с большими городами.

ДЕРГАЧ

Зацвели за Вологдою ивы,
Вскрылась полноводная Шексна.
В эти дни меня зовет призывно
В отчий край раздольная весна.

В тонкий ствол оттаявшей рябины
Прянул сок могучею струей,
Из Египта устремились клином
Журавли горластые домой.

И бежит через края чужие,
Все пешком домой дергач, пешком,
По земному шару все, в Россию —
Тонкий, голенастый, хвост торчком. . .

* * *

Гудок над пристанью вечерней,
Река — как черная заря,
И вот мне ключ каюты вверен —
Я еду, проще говоря.
Еще не взрыли воду плицы,
Томит минута тишины,
А память уж вперед стремится
Навстречу бакенам Шексны.
Сейчас за первым поворотом
Березка встанет на косе
И проплывут моста пролеты
Во всей своей стальной красе.
Шексна, ты в детстве мне казалась
Всех рек огромней на земле,
В тебе все небо отражалось
Со всеми звездами во мгле.
Ты поднимала пароходы
В два этажа, как города.
Я много рек за эти годы
Больших и малых повидал,

И на иные ты похожа,
Как тропка на широкий путь. . .
Но ты мне стала всех дороже,
А это значит что-нибудь.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь прошел, и сторона лесная
Расступилась, и во всей красе
Встала в небе радуга цветная,
Как ворота на конце шоссе.

В створе расступившегося бора
За воротами — сады, дома,
Белый, красный, золотистый город,
Неба, солнца, красок кутерьма.

Будто зачарованный картиной,
Восхищенных глаз не отводя,
Смотрит пассажир автомашины
Сквозь стекло с веснушками дождя.

Кажется: пока что не открыта,
Там, за радугой, лежит она —
Солнцем залита, дождем промыта —
Необыкновенная страна.

Опять плывет закат над реками,
Туманы на воду легли,
И петухи прокукарекали,
Должно быть, на краю земли.

Вновь движется по борту русская,
Просторная моя земля,
Бежит луны дорожка узкая,
Цепляясь за крыло руля.

А коростели, как уключины,
Скрипят, скрипят. . . Весь край родной
Плывет меж облачными кручами
На веслах в тишине ночной.

С мостом пятипролетным с башнями
И с гидростроем в три окна
На речке Чалексе над пашнею,
Вдали звенящей, как струна.

А где-то жаркая гармоника,
Негромко ахнув, понесет

Простую песенку о конниках
До самых северных широт.

И отзовется эхо чистое
На тонкий стук ее подков,
Клинками сабель, дымом выстрелов —
Далеким отблеском боев.

ПАРОМЩИК

Если едешь ты в Кирилово —
Под горой паром, мысок.
Там тебя за душу милую
Переправят в городок.
Пожилой паромщик — маленький,
С темным шрамом на щеке —
Ездит в шапке, в старых валенках,
На пароме по реке.

Он упрется в борт старательно —
Тяжеленько одному,
И поможешь обязательно
Ты с приятелем ему.
Пусть канат скользит, как сыромять,
Ты его потянешь вкось:
Много рек тебе форсировать
По Европе довелось.
Так ты с низкими поклонами
Будешь ехать по Шексне,
И качнет ответно кронами
Бор на правой стороне.

А когда, в причал ударившись,
Пришвартуется паром —
Сам паромщик, как к товарищу,
Подойдет к тебе потом.
— Разрешите огня, пожалуйста! —
Спичка выстрелит в руке.
— Где-то мы, солдат, встречались,
Не на Одере-реке? . .

ГОЛУБЬ

Есть мальчишка в солнечном районе.
Он ничем не знаменит пока,
Только в небо запустил с ладони
Белого, как кипень, голубка.

И глядят прохожие, не дышат,
Позабыв на миг свои дела,
На зеленую, как лето, крышу
В синих волнах майского тепла.

Длинный шест над головою гнется,
Тонкий свист летит над городком,
Выше, выше белый голубь вьется
Над мальчишкой в небе голубом.

Виражами ходит, виражами,
Будто весь отлит из серебра,
Даже с дальних улиц горожане
Видят птицу снежного пера.

Видно, что-то им напоминает
Этот голубь, взвившийся в зенит,

А мальчишка этого не знает, —
Запрокинув голову, свистит.

В рубашонке выцветшего ситца,
Озорной, без шапки, босиком, —
И летит душа его, как птица,
Над залитым солнцем городком.

Виден голубь в поле трактористу,
Виден и девочкам за леском,
Как звезда-снежинка в небе чистом
Над одноэтажным городком.

* * *

Низко пригибая травы лета,
Шла гроза, огнем грозя земле,
В буре электрического света,
В фиолетовой слепящей мгле.

А под нею, тенью злой застигнут,
Белый голубь крыльями хлестал.
Частого дождя косые иглы,
Воздуха похолодевший вал.

Легкий лепесток живого света,
Погасить его хотела тьма,
Но с земли давно завидя это,
Мальчуган на крыше не дремал.

Он, шестом вооружась, как пикой,
Весь взъерошен и взаправду зол,
Воздух свистом рассекал и гиком
И плевал на то, что дождик шел.

Сам не зная, как могло случиться
То, что с крыши в страхе не удрал,

Беспокоясь всей душой за птицу,
Он ее подбадривал и звал.

И когда над ним разверзлись громы,
Он, чердак закрыв за голубком,
Заплясал, охвачен незнакомым
Чувством, в этот миг рожденным в нем.

Молнии ломались по соседству,
Но, по крыше вдруг пустившись в пляс,
Он грозил им кулачком детским,
Ничего на свете не боясь.

ФОТОГРАФ

На углу, на площади базарной,
В домике, где солнце в окна бьет,
Маленький, смешной и популярный
Мастер фотографии живет.

Здесь по воскресеньям утром ранним,
С важностью особой на лице,
В праздничных костюмах горожане
Вытирают ноги на крыльце.

В доме белокаменные горы,
Лодка на волнах, как на пиле,
Конь-огонь — ударь с размаху шпорой
И на край земли лети в седле!

Есть для малышей свисток отличный,
Чтоб на мир глядели малыши
(Вот сейчас вспорхнет навстречу птичка),
И смеялись ото всей души.

Мастер посетителей встречает,
Как гостей, которым очень рад,

Молодых и старых величает,
Полчаса наводит аппарат.

Подойдет, чуть-чуть поправит орден,
Чтоб сидел клиент во всей красе.
Шутит сам: «Снимаю! . . . Снял! . . .

Испортил! . . .»

Не испортит. Это знают все.

Весь район за стеклами витрины
Показал фотограф неспроста,
Женщины, мальчишки и мужчины,
Как в театре, заняли места.

Вот на старом снимке как в тумане
В мичманке парнишка юный встал.
На Великом Тихом океане
Служит нынче грозный адмирал.

Закусив зубами папиросу,
На фанерном скакуне летит
Русый, недозволенно курносый
Из села Ивановки «джигит».

Не пошел «джигит» по части конной,
И, как видно, не пошел не зря:
Знают все большие стадионы
Хватку молодого вратаря.

Рядом с ними (я скажу заранее:
Слава их не очень велика)
Просто рядовые горожане,
Просто из соседних сел крестьяне,
Снятые на фоне городка.

Ну, а чуть повыше на витрине
Семь портретов с Золотой Звездой:
Две звезды заслужены в Берлине,
Пять — в колхозе, на земле родной.

Смотрят, как живые, с фотографий —
Ретушью прикрашены слегка,
Люди незаметных биографий,
Люди всем известных биографий —
Жители родного городка.

ШУРА КАПАРУЛИНА

Стол предрика в солнечных накрапах,
Тополь отражается в стекле,
И лежит велюровая шляпа,
Как зеленый холмик, на столе.

С лектором из областного центра
Петр Степаныч разговор ведет,
Машинистка в «ундервуд» за стенкой
Осторожно, деликатно бьет.

К ней в окно влетает зелень мая,
Стук подков, автомашин гудки,
И влетела с ними золотая
Песня-птица с берега реки.

В двери, не стучась, без промедленья
Машинистка — волосы вразлет:
— Петр Степаныч, я прошу прощенья,
Шура Капарулина поет!

Удивленье гостя замечая,
Ничего не говоря в ответ,

Петр Степаныч радио включает —
И ворвалась песня в кабинет.

Молодой, грудной, щемящий, властный
Голос разом всех зачаровал,
Будто близко пролетело счастье, —
Кто из нас о нем не тосковал?

В девичьей косынке над рекою, —
Все его по-разному зовут...
Песня льется, душу беспокоя,
И молчит за стенкой «ундервуд».

«Но нельзя рябине к дубу перебраться», —
Шура Капарулина поет...
А немолодому ленинградцу
По районам предстоит скитаться,
И жена уж третий месяц ждет.

Имена певиц перебирая,
Чуть взгрустнув — немножечко устал,
Вот сидит он, недоумевая,
Оперы любитель, театрал.

— Кто ж такая это в самом деле? —
У предрика свет из-под бровей:
— Мастерница кружевной артели,
Гордость наша, местный соловей...

Песня то замрет, то с новым жаром
Городок весенний захлестнет,
Над притихшей площадью базарной,
Над рекой у пристани плывет.

В парке, где поют на кленах птицы,
Из окошка радиоузла
Песня льется. Где же ей вместиться
В микрофон-скворечник у стола?

И шофер-парнишка с грузом срочным
Выключил мотор возле ворот,
Он от песни уезжать не хочет...
Тихо! Капарулина поет!

ЖЕРЕБЕНОК

В день ярмарочный на площади
Отстал стригунок от лошади.
Его напугала сутолока
Людей, машин и телег.
Он в страхе на все натывается,
Копытца врозь разъезжаются,
Наверное, кажется глупому:
Останется здесь навек.

Среди помидор раскаленных,
Лука клинков зеленых,
Среди поросычьего визга,
Летящего из корзин,
Среди пиджаков да жакеток,
Да разных сокровищ лета
Ему не найти дорогу, —
Куда побежишь один?

Но тут, раздвигая в стороны
Всю ярмарку разом, поровну
Бензином и полем пахнувший,
Пофыркивая, напрямик,

Обрызганный, пропыленный,
На шинах с травой зеленой,
Через базарную площадь
Двинулся грузовик.

И, видно, уж так случается:
Стоит народ, улыбается,
Идет грузовик, покачиваясь,
А за грузовиком
Бежит жеребенок площадью,
Бежит, как будто за лошадью,
Копытца легко подбрасывая,
Помахивая хвостом.

В ЧАЙНОЙ

В новой чайной Дома крестьянина,
В дальнем Кичменском городке,
Два танкиста-однопольчанина
Повстречались накоротке.

Чемоданы, пальто на вешалку.
— Ты куда? — Ну, а ты как тут?
— Эй, девчата, давай не мешкайте,
Остановка на пять минут!

Зазвучали в чайной названия
Европейских столиц седых,
Называли себя по званию
Два товарища боевых.

Поименно друзей припомнили,
Не пришедших издалека,
По края стаканы наполнили
За дела своего полка.

А в углу баянист нечаянно
Тронул медные голоса,

И тогда захлестнула чайную
Ветра жаркого полоса.

Было песнею все досказано,
То, что вспомнилось за столом,
Все досказано и доказано
Про Европу да и про Азию,
И запел баян об ином.

Где-то волны плеснули синие,
Где-то дрогнули ковыли,
Как мотив голосами сильными
Подхватили и понесли.

В песне вынесла струги быстрые
Волга-матушка широка,
Та, что нынче свела у пристани
Двух товарищей из полка.

* * *

Всплошную голубым узором
Мороз разрисовал окно.
Темно становится, и скоро
Зажгут огни. Пора б давно...

Сверчок скрипит в углу за печкой,
А я глаза закрою вдруг,
И мне покажется — кузнечик
Трубит на весь цветистый луг.

Качнутся легкие березы,
Как луг, запахнет старый дом.
Но это мать вошла с мороза,
Внесла подойник с молоком...

КОЛОДЕЗНЫЙ ЖУРАВЛЬ

За околицей у колодца
Долговязый журавль стоит,
Воду пьет, никак не напьется,
Хочет в небо — и не взлетит. . .

В небо цепь его не пускает,
И, с тоскою шею подняв,
Смотрит он, как на юг улетают
Журавли на исходе дня.

Л. П.

* * *

Опять пойдут хлестать метели
Вдоль деревенок и дорог,
Опять почти на две недели
Пути отрежут в городок.

На пятый день придут газеты
На тройке из Череповца.
От сельсовета к сельсовету
Негромок голос бубенца.

Тулуп на ямшике, как пламя,
Горит один среди зимы,
И кони, фыркая, ноздрями
Учуют дальние дымы.

Наутро рыжий письмоносец
Опять письма не занесет...
Я не порадуюсь на просинь,
Что в низком небе настаёт,

*

Не поделюсь грустью с ближним...
В лесу, петляя, шла лиса,
И уведут надолго лыжни
Меня в глушковские леса.

ПЛОВУЧАЯ КУЛЬТБАЗА

На сцене культбазы пловучей,
В кисейное платье одета,
В тоске по Ромео измучась,
Прощается с жизнью Джульетта.

Девчата из ближних колхозов —
Доярки, вязальщицы, жницы —
Сидят, и нестыдные слезы
Дрожат у девчат на ресницах.

Сурово молчат плотогоны,
Колышется занавес алый,
Печальная песнь о влюбленных
Почти полсела взволновала.

А в окнах речная прохлада,
Плывет вологодская осень,
Дыхание дальнего сада
И трав увяданье доносит...

Подходят буксиры и разом
Свой ход убавляют на малый,

Чтоб не потревожить культбазу,
Волною не тронуть с причала,

Как будто на мостиках знают,
Что здесь умирает Джульетта,
И, тихо штурвалы вращая,
Уводят буксиры к рассвету.

А осень шуршит по откосу
Осокой, засохшею в глине,
И ветер из поля доносит
Старинную песнь о рябине...

* * *

Есть где-то моря-океаны,
Там волны до неба летят,
А здесь в тишине капитаны
Спокойно в туманы глядят.

Ни лоции нет, ни компаса —
Знакомая с детства река,
Как выверена по ватерпасу,
Пустынна, тиха и гладка.

Беяны, груженные тесом,
Избушки на грузных плотях,
Речные высокие плесы,
Свистки куличков в камышах.

Плывут работяги-буксиры,
Натянут канат, как струна.
Ровняет плоты по ранжиру
Зеленой линейкой Шексна.

Работают молча матросы,
Тоскует на барке гармонь,

А вечером мачты выносят
Под звезды зеленый огонь.

Скрипучею дремой парома
Навстречу пройдет перевоз,
Пахнет сенокосом знакомо
С парома осанистый воз.

«Ну как там, Фадеич, с покосом?» —
Картуз приподняв, капитан
С буксира паромшика спросит,
Вглядевшись в вечерний туман.

Ему, как и волку морскому,
На сушу не скоро ступать:
Он в плаваньи тоже — и дома
До осени, знать, не бывать. . .

В РЫБНИНСКОМ МОРЕ

От Череповца до Щербакова,
В сто километров ширины,
От ненастья почти лиловы,
Ходят волны, как валуны.

Там, где лес побасенки баял,
Пел, шаманил, — прошла вода,
Сосны каменные срубая,
Свирепея как никогда.

И в медвежьих берлогах ныне,
Двухпудовые, среди тьмы,
В шубах бархатных на резине,
Как чугунные, спят сомы.

Парохода железная туша
Прет уверенно напролом.
Победители моря и суши
Крепким балуются чайком.

Сапоги снимают в каютах,
Гасят свет и в тиши кают

Дерматиновому уюту
Молча должное отдают.

Что им мокрой воды стихия —
Пена белая на ветру.
Им дела предстоят такие,
Позавидуют все вокруг:

Горы с места сдвигать и доли,
Реки на плечи поднимать...
Пароход, как огромный молот,
Плющит волны...
Я лягу спать.

Пусть вода меня укачает,
Убаюкает, сон придет,
Как волна на ветру крепчая,
Из неведомых мне широт.

И приснится под гул ненастья,
От Мегры до Череповца,
Край огромных работ и счастья,
Перестроенный до конца.

СТАРЫЙ БУКСИР

Буксиру не приснится океан,
В затоне тихом, на приколе вечном,
Стоит видавший виды ветеран,
И ржавчина легла ему на плечи.

Он, пресноводный житель длинных рек,
Весь почернел от копоти и сажи,
В каком году он начинал свой век,
Ему, пожалуй, и не вспомнить даже!

А сколько он провел больших плотов
Да барок с камнем, с кирпичом к причалам!
Из них немалых десять городов
Построить можно было бы, пожалуй.

Мальчишки удят с борта пескарей,
В пустынном трюме бродят по железу.
Он молча спит, ни широтой морей,
Ни далью океанскую не грезя,

Лишь тонким стоном отвечает сталь,
Когда гудят суда на повороте. . .
Стоит буксир, как бы сама печаль,
Сама тоска железа по работе.

* * *

Облако за месяц зацепилось,
За рекой кричали поезда.
Ничего такого не случилось,
Только грусть пропала без следа.

Просто захотелось оглянуться,
Постоять у моста, у воды,
До неба тростинкой дотянуться,
Прикурить цыгарку от звезды,

Услышать травы произрастанье,
Трепет заполуночных планет
И еще того, чему названья
В нашем языке, пожалуй, нет...

ТЫКВА

В жару растенья никнут,
Бегут от солнца в тень,
Одна лишь чушка-тыква
На солнце целый день.

Лежит рядочком с брюквой
И, кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнет.

НОЧЬ

На карты не все нанесенный,
Вовсе не знаменитый,
Спит городок районный,
Небом ночным прикрытый.

Сады в его изголовье
Ветрами взбиты прилежно.
Запорошила кровли
Черемуха цветом снежным.

Полночь с зарницей низко
Нагнется, осветит в полете
Улицы, площадь, пристань,
Речку в плену у ветел.

На тех же широтах где-то
Есть города бессонные,
С заката и до рассвета
Улицы озаренные.

А здесь все огни погашены,
Спят служащие и рабочие,

Дня продолженье вчерашнего
Снится им этой ночью —

Все, о чем вслух мечтается
Дома и на собраниях,
Все, чего добиваются
Милые горожане:

Учителю — новая школа,
Школьнику — гром стадиона,
Трибуны над речкой Шолой,
Девушкам — парк зеленый,

Шоферу — асфальт без края,
А плановику-мечтателю —
Все разом, ведь он-то знает,
Что сбудется обязательно.

На карты не все нанесенный,
Вовсе не знаменитый,
Спит городок районный,
Небом ночным прикрытый.

* * *

Словно башни победы — на рыжих увалах
Скирды хлеба. Скрипучая песня колес.
Листья падают, как позывные сигналы
Дальней радиостанции, с белых берез.

Над дорогой, над елью, над камнем, над срубом,
Над болотной кугой, оглашая приказ,
Журавлиного войска высокие трубы
Поднимаются к солнцу в назначенный час.

И уже на селе вышибает дубовые днища
Бородатая брага. Раздайся, народ!
Это осень выходит на круг, подтянув голенища,
Вот ударят баяны, и в пляску пойдет.

В кумаче горизонт... Я люблю это время застолиц,
Добрых свадеб до самой последней звезды,
И сто тысяч гармоник на гребнях ста тысяч околиц,
Дым победного пиршества после горячей страды.

Здесь постепенно умирает лето
В прохладе тростниковой сентября,
Огнем зари погаснувшей задеты,
Сады весь день торжественно горят.

За дымкой золотистой обмолота,
За кузовом прямым грузовика,
За голубым дорожным поворотом
Взъерошилась от холода река.

И в поздних волнах солнечного света,
Над берегом пустынным и крутым,
Березы, словно памятники лету,
Из серебра и бронзы отлиты.

ЖУРАВЛИ

Сыплет ветер северный, раздобрясь,
Золото деревьев вдоль земли,
В Африку, в Египетскую область
Улетают в небе журавли.

Улетят они в страну чужую,
На прощанье обронив перо.
Будут жить, по родине тоскуя,
Зиму проклиная и мороз.

Крокодилы на далеком Ниле
Журавлям напомнят топляки,
Что плывут посередине милой
Северной сплавной Шексны-реки.

Возле фараоновой гробницы,
Там, где пальмы, камни и пески,
Будет им все время север сниться,
Светлые от звезд березняки.

И, презрев природы изобилье,
В час, когда трещит на Волге лед,

Журавли, свои расправив крылья,
В яростный отправятся полет.

Через ветры, холода и грозы,
Пух в пути теряя и перо,
К рыжим поймам, к тоненьким березам
Голубой весеннею порой.

Так бывает с русским человеком:
Час придет — родимая земля
Через океаны, горы, реки
Позовет к отцовским тополям.

И ничто его не остановит,
Словно бы летящих бдоль морей
Из Египта к давнему гнездовью
Молодых горластых журавлей. . .

Л. П.

* * *

Ты любовь не зови,
Коль ушла она прочь от порога.
От несчастной любви
Есть отличное средство — дорога.

Километрами меряй
Летающее время разлуки.
Позабудешь потерю,
Коль занято сердце и руки.

Поброди по тайге, задубей
От наждачных ветров на заимках,
От железных дождей,
От мороза и льда, от зазимка.

Топором поработай
И горы порви аммоналом,
Все забудь и, припомнив кого-то,
Вернись и влюбляйся с начала.

В синеглазую девушку,
Вовсе не схожую с тою,

Не подумавши (где уж там!),
Стоит любить иль не стоит.

И нагрянет любовь,
От которой — некуда деться,
А коль влюбишься вновь —
Помогло, значит, верное средство!

ПИСЬМО

Я здесь живу на сквозняке
Меж гор, поднявшихся до неба,
Не на курорте, а в тоске,
В какой еще ни разу не был.
Уж месяц март, а здесь зима —
Такой не помнят старожилы.
Дрожат озябшие дома,
Скрипят деревья что есть силы.
Отсюда надо бы бежать,
Но, на весну тая надежды,
Я продолжаю что-то ждать
На юге, среди сугробов снежных.
Над отопленьем паровым
Окно у нас пургой забито.
Я сплю и ем, и мой режим
Еще на двадцать дней рассчитан.
Но это все не вся тоска:
Есть здесь на телефон тропинка,
Там голос твой издалека
Звенит холодный, словно льдинка.
И трубка, брошенная зло,
Летит на рычажок с размаху,

И все надежды на тепло
Опять летят куда-то прахом.
Клубится на горах мороз,
В лицо с размаху хлещут выюги...
Не дай бог, чтобы вам пришлось
Вот так зазимовать на юге.

ЗНМА

Мир накренился, прям и светел,
Едва заметен поворот,
Но по планете хлынул ветер
Уже арктических широт.
Еще в пленение не веря,
Плескались реки в берега,
Когда седая, как поверье,
Вдоль по воде пошла шуга.
И, тронув дымчатым припоем
Излук и стариц тишину,
Мороз ударил в голубое
И затуманил вышину.
И белизной неповторимой
Окуталась тогда земля,
Когда торжественно зазимок
Упал на черные поля.
Бери двустволку и на вате
Фуфайку туго опояшь.
Ни пуха ни пера, приятель,
Пусть будет полон твой ягдташ!

Отсалютуй зимы началу
Утиной дробью вдоль бугра.
Вот осень русаком промчалась,
Двустволка вскинута... Пора!

БАКЕНЩИК

Река, разлившаяся, быстрая,
В туманах по ночам плывет.
Но бакен вдруг горячей искрою
Из тьмы приветливо мигнет.

И пароход идет уверенно
От огонька на огонек
Фарватером реки проверенным;
И пусть туманный путь далек,

Пусть мели есть в реке опасные, —
Доставить нужно грузы в срок...
Горит-горит косынкой красною
Во тьме далекий огонек...

А бакенщик, сев в лодку древнюю,
Огни вывозит каждый раз,
Когда закаты за деревьями
Здесь догорают в поздний час.

Живет на берегу он издавна,
И в дождь и в бурю, вопреки

Стихиям всем, на совесть призванный
Следить за вехами реки.

И рулевые в ночь туманную
Добром вспомянут каждый раз
Его, когда огни багряные
Вдали увидят в поздний час.

А он, совсем о том не ведая,
Наверно, чинит фонари,
Вставляя сам в оправы медные
Кусочки алые зари.

ЧАЛЕКСА

Тресты зеленые ножи
И камыши, как палицы;
Меж них старательно бежит,
Гремя камнями, Чалекса.

Летит холодная струя
Под голубыми кручами,
Непокоренная, ничья,
Заверчена, закручена.

В сверкающие кружева,
Как девица, обряжена.
Бежит река не год, не два,
Торопится. Куда ж она?

Куда ж она снаряжена,
Летит издалека?
Бег начала когда ж она? ---
В старинные века.

Меж прочих речек выделив,
За нрав, за непокой,

Ее и деды видели
Стремительной такой.

Отцы глядели вслед реке:
Спешит река не к нам,
Ей тыща лет по метрике,
Она ж юным-юна.

Летит себе, и вот она,
Не умеряя ход,
Влетела в год работы к нам,
В сорок девятый год.

И ей сказали: — Путь далек,
Но ты примчалась в срок.
Пора вступать в свои права,
К работе приступать —
Крутить большие жернова,
Деревне ток давать,
Леса пилить, в домах светить
В колхозной стороне,
Пора пшеницу молотить,
Работать на гумне...

Тресты зеленые ножи
И камыши, как палицы;
Меж них старательно бежит,
Гремя камнями, Чалекса.

А на высоком берегу,
Уложенные ровно
В две пирамиды, на лугу
Уже готовы бревна.

И только плотникам скажи —
Они начнут рубить ряжи,
Плотину возводить...
— Что ж, так тому и быть!

НА ПРИСТАНИ

Гудком прощальным пароходным
Осенний вечер оглушен,
Отчалят чалки, примут сходни,
И пароход уйдет в затон.

Залепит снегом расписание
Декабрь на пристани опять.
И график встреч, разлук, прощаний
Никто не будет соблюдать.

По льду на розвальнях разлапых
Обозы с сеном поплывут.
Пахнет щемящий сердце запах,
Как будто лето провезут.

Почудится, что не хозяин
На пристани седой декабрь,
Что вновь встречают, провожают
И смотрят в голубую рябь.

Но снег залепит расписание,
И до июня вплоть опять
Никто ни встреч и ни прощаний
Не будет график соблюдать.

ПЛОТОГОН

Ему пятнадцать лет под осень
Исполнится всего, а он —
В отцовском пиджаке, курносый —
Уже заправский плотогон.

На бревнах дерн уложен клумбой
У ног его для огонька.
И босоногому Колумбу —
Как океан Шексна-река.

Плывет он, земли открывая,
С багром тяжелым на плоту.
Костер горит и осыпает
Сухие искры в темноту.

Перекликаются с буксиром
Далеким эхом берега,
И Млечный Путь блестит над миром,
Как неизвестная река.

Вот будет осенью рассказов,
Когда он станет вспоминать,

Что видел, где друзьям ни разу
Не приходилось побывать!

Жизнь перед ним — рекой широкой,
Как в реку, он в нее влюблен.
Минуют пристанями сроки,
И капитаном станет он.

А волны плещутся о бревна,
До Щербакова путь далек.
Горит на клумбе яркий, ровный
Костра дремучего цветок...

В ПОЛЕ

Как девочка-подросток,
Стоит в хлебах березка,
Глядит в простор зовущий,
На небо и на травы,
На золотой, насущный,
Поспевший хлеб державы.

А в нем дороги лента
С холма на холм ложится —
Дорога до райцентра,
А может, до столицы.

По ней в кудлатой пыли
Полуторки грохочут.
И тень широких крыльев
Отбросил с неба летчик.

Как голубая птица,
С ученым полеводом
По ней «москвич» промчится
И проползет подвода.

И пешим ходом, просто,
С тугим мешком заплечным
Веснушчатый подросток
Пройдет заре навстречу.

Он песенку затянет
Про парня из забоя,
И на березку глянет —
Как позовет с собою.

И на дорогу-ленту
Она не наглядится.
Дорога до райцентра,
А может, до столицы.

Одна из тех на свете,
Каких повсюду много,
В огромном жарком лете
Знакомая дорога.

В КИНО

В колхозе, в кино, на экране
Кварталы Берлина горят,
Смертельной пулею ранен,
Споткнулся на крыше солдат.

Мальчишки скорбят и тоскуют
У самой стены на полу,
И им бы вот так же, рискуя,
Бросаться в огонь и во мглу;

Взбираться на купол покатый
(Полотнище флага в огне)
И мстить за таджика солдата,
Как будто за старшего брата,
Который погиб на войне.

Механики и полеводы
В шинелях сидят без погон,
Они вспоминают походы,
А зал в полутьму погружен.

И, как на сошедших с экрана
Лихих легендарных солдат,

Украдкою на ветеранов
Притихшие жены глядят.

Стучит, как кузнечик железный,
Поет в тишине аппарат.
И вот над дымящейся бездной
Встает на рейхстаге солдат.

Взметнулось полотнище флага,
И, словно его водрузил,
Встает инвалид, что рейхстага
Не брал, но медаль «За отвагу»
Еще в сорок первом носил.

Огни зажигаются в школе,
В раскрытые окна плывет
Прохлада широкого поля. . .
На шумный большак из ворот
Полуторка медленно едет.
Мальчишки за нею бегут.
Кинопередвижку в «победе»
Давно с нетерпением ждут.

Заката багровые флаги
И дымный туман над рекой;
Герои Берлина и Праги
С экрана уходят домой.

НА ВОКЗАЛЕ

Метет на перроне вокзала пороша,
Люди снежок у вагонов толкут.
Вот отправляется парень хороший,
Окончив строительный институт.

Целых полкурса пришло прощаться
Веселых, горластых, дружных парней:
Возле дружка своего толпятся,
А парень думает лишь о ней —

О ней, что вниманья не обращает,
Поближе к вагону не подойдет,
Ждет отправленья, видно, скучая,
От нечего делать перчатки мнет.

Стрелки торопятся по циферблату —
До отправленья минуток пять. . .
Нет чтобы тут вот уйти ребятам,
Другу несмелому не мешать.

Все, что в душе у него томится,
Руки на плечи ее положив,

Сердце заставив потише биться,
Он бы сказал — и остался жив. . .

А девушка, видно, о том не знает;
Из факультетских девчат она
Самая бойкая и озорная,
Вдруг присмирела, стоит одна.

Что-то глаза на ветру слезятся,
Руки со злостью перчатки мнут —
Нет чтоб друзьям отойти догадаться
И отвернуться на пять минут.

Все, что в душе она год хранила
И не промолвила с глазу на глаз,
Тут бы сказала, не утаила,
Без недомолвок и колких фраз.

Но раздается гудок прощальный,
Зажег паровоз на груди звезду,
Тронулся, двинулся поезд дальний,
Прыгает парень в него на ходу.

Так и не сказано слово это,
Слово единственное на двоих,
Полное радости, счастья, света,
Самое лучшее слово для них.

Только ведь дело, друзья, не в этом,
Будут дороги и города,
Вечно летящие в зиму и лето,
Встречу сулящие поезда. . .

КУРОРТНИКИ

А. Яшину

Сверкали горы в небе гранями,
Пейзаж был ярок и величествен,
Два земляка, два северянина
Ходили по земле таврической.

А над горами, как пожар, еще
Катилось солнце — море плавало,
Но было грустно двум товарищам,
Одетым по курортным правилам.

На юге загрустив о севере,
О всех делах, что там оставили,
Один подумал: как посеяли? ..
Другой: как лес на реках сплавили? ..

Как там район живет, работает
Да как там планы выполняются,
Когда они здесь, беззаботные,
По бережку у моря шляются,

Но не любили громких фраз они,
И про дела свои хозяйские
Вслух было ими просто сказано
Совсем не так в то утро майское.

Один сказал: «На Белом озере
Еще остатки льдин мерещатся,
И цвета моря море озими
В полях за Беломорском плещется».

Другой вздохнул: «У нас за Вологдой
Черемуха в Никольске пенится,
И, значит, ветер веет холодом,
А здесь куда от солнца денешься. . .»

СТУДЕНТКЕ

Там заметает улицы зима,
Как по морским волнам, плывут дома,
Мальчишки пробивают лыжню к школе,
Когда еще царит поутру тьма.

А здесь шумит в метели Ленинград,
Автобусы по Невскому летят,
В цветочных продают живые розы,
И дворникам лишь страшен снегопад.

А ты могла бы в городке чужом,
Когда одни метели за окном
Трубят в свои сверкающие трубы,
Не тосковать о городе большом?

Могла б ты, сняв тяжелые пимы,
Устав от всей ребячьей кутерьмы,
Под абажуром разложить тетради,
Где строчки угловатые прямые,

И по страницам угадать в тиши
Черты тебе раскрывшейся души,

А по рисунку — что грядущий мастер
Попробовал на нем карандаши?

И так — пока в предутреннюю сонь
Спать не уйдет из лампочки огонь
И ты услышишь, как палит из пушки
Мороз на всю Шексну или Шелонь.

Спит сторожика, в школе тишина.
В окно плывет торжественно луна,
На нем цветут тропические розы,
Из льда и снега южная страна.

Поленья рассыпаются в печи,
Сверчок в углу настойчиво стучит
Малюсеньким упругим молоточком
О жаркие сухие кирпичи.

А за стеною в облаках берез
Затихнет мир. Сиянье синих звезд.
И ты сидишь, накинув шаль на плечи,
Забыла про метель и про мороз,

Решив, что день делами был богат...
И скучно вдруг без гомона ребят,
И хорошо тебе, коль скоро к школе
Они по лыжне тропку проторят...

Уходит прочь косматая метель,
Свою на Невском бросив канитель;
Тебе на Мойке в общежитьи снятся
Снега вокруг на двадцать пять недель...

Ты далека, но за пургой ночной
Тебя я вижу именно такой.
Ты приезжай, таких там ждут и ценят,
Таких, как ты, там примут всей душой.

В ТЕПЛИЦЕ

На улице снежная вьюга метет,
А в двери войдешь ты с мороза,
И августом жарким навстречу пахнет
В тепличном хозяйстве колхоза.

В зеленое пламя ботвы помидор
Тебя поведет от порога
Прямой, убегающий вдаль коридор,
Как будто бы в поле дорога.

Здесь, словно подсолнухи, лампы стоят
Под небом стеклянным рядами.
Краснеет редиска, клубится салат,
Соседствуя с огурцами.

И капли воды на крупинки росы
На листьях мохнатых похожи.
Озябли слегка пузаны-огурцы —
В пупырышках нежная кожа.

Но климатом всем управляют вдвоем,
Согласно инструкциям строгим,

Здесь дед-бородач с молодым пареньком,
А не всемогущие боги.

Коль надо жару, так жару зададут,
Коль надо — прохладой повеют.
И столбики ртути в термометрах тут
Без них шевельнуться не смеют.

Забудешь, что стекла от снега белы...
Горят огоньки желтоцвета.
И лишь не хватает гуденья пчелы
В теплице для полного лета

Да пения иволги над головой,
Когда от клубники багряной
Пахнет на тебя сенокосной порой,
Лесной земляничной поляной.

СТИХИ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Л. П.

Я встретил женщину одну
И вспомнил о девчонке русой,
Весь город был у ней в плену
Глаз, песенок, проказ и вкусов.
Весь деревянный рай земной,
Черемуховый, двухэтажный,
Со средней школой, с тишиной,
Со змеем в облаках бумажным.
Мы не встречались десять лет.
Лет шесть не знали друг о друге...
Из-под ресниц прохладных свет
Метнулся в радостном испуге.
Она — и не она, собой,
Как светом, день преображая,
Красивая, передо мной
Стояла женщина чужая.
Я девочку любил тогда.
Есть память — с этого вокзала
И в юность ходят поезда.
Ты помнишь? .. — девочка сказала.

Я оглянулся —
Сердце сжалось:
Разлукой сожжена дотла,
Любовь передо мной предстала,
Как степь от солонца, бела.
Два-три куста воспоминаний
На ней пока еще росли,
Не зелень, а одно название,
Все пожелтевшие, в пыли. . .
А дальше пепел трав горелых
И отпечатки в нем цветов,
Когда-то синих, алых, белых,
И я заплакать был готов.
Но предо мной, открыта свету,
Стройна, лукава, смущена,
Стояла и ждала ответа,
Как даль весенняя, она.
Звала она шемящей грустью,
В которой солнце, тишь, гроза. . .

И я забыл девчонки русой
Проказы, песенки, глаза.

СТАНЦИЯ „ВАЛЯ“

Л. П.

Легким именем девичьим «Валя»
Почему-то станцию назвали.

Желтый домик, огород с капустой,
Поезд не стоит и двух минут,
На путях туманно, тихо, пусто...
Где ты, Валя, проживаешь тут?

Подступают к паровозу сосны,
Охраняя станции покой.
Валя, Валя, выйди, как березка,
К семафору, помаши рукой.

Видно, был влюбленным тот путеец,
Инженер, чудака немолодой:
Полустанок в честь тебя затеял
С краткою стоянкой путевой.

На минуту. Постоять, влюбиться!
Стукнут рельсы, тронется вагон.

Я хотел бы здесь остановиться
Навсегда у сердца твоего.

У тебя по самый пояс косы,
Отсвет зорь в сияющих глазах. . .
Валя, Валя, где-то за откосом
Голос твой мне слышится в лесах.

НОВЫЙ МОСТ

Мост — как радуга из железа —
Перекинулся над рекой.
Три бетонные волнореза
Утверждают его покой.

Левый берег и правый берег
Повстречались накоротке,
Встреча данная в полной мере
Отразилась в Шексне-реке.

Там в ажурных железных звеньях
Спят застрявшие облака,
Словно фотоизображенье,
Колыхающееся слегка.

Вот качнули, сверкнув, оркестры
Медных труб музыкальный гром,
Поезд тихо тронулся с места,
Поезд стукнул в мост колесом.

И прошло его отраженье,
Все в знаменах и все в венках,
Все зеленое, все в движеньи,
В синем небе на трех быках.

ЛЕНИН В КАШИНЕ

Ушло подмосковное лето,
И, на день оставив дела,
Ленин приехал с рассветом
К простым землеробам села.

Багровые гроздья рябины
Как кисти высоких знамен.
У школы мальчишки машину
Со всех обступили сторон.

И с этой толпой быстроногой,
Как сельский учитель, к реке
Учитель народов дорогой
По Кашину шел налегке.

Помятая кепка в кармане,
Пальто распахнул широко...
Ему подавали крестьяне
Тяжелые руки легко.

Он каждую мелочь заметил,
Холил, как по цеху чудес,

По маленькой, первой на свете,
Крестьянской бревенчатой ГЭС.

Потом у трибуны дощатой
Стоял, затихая, народ
В тот славный, далекий, двадцатый
Суровый и памятный год.

Он руку над митингом вскинул
Вперед и стремительно ввысь.
Запела динамомашина,
И разом в деревне зажглись

По избам огни коммунизма.
Ильич на трибуне стоял, —
Как будто не бедные избы
Тогда пред собой увидал,

Увидел с дощатой трибуны
Все то, что мы видим кругом:
Огни всесоюзной коммуну
Над самым далеким селом.

ПЕСНЯ

Л. П.

Начинается песня эта
На делянке, там, где костер,
В дым кудлатый сверху одетый,
Лапы жаркие распростер.

Он ломает сухие сучья,
Плещет пламенем у виска,
И для песни, пожалуй, лучше
В полночь места не отыскать.

Высоко, высоко и тонко
Тенор песню вывел, — она
Все о том, как жила девчонка...
А за тенором, как со дна, —

Бас, упрямый, тяжелый, низкий,
Поднимается на снегу.
И летят светляками искры,
Пропадая, шипя в кругу.

Бородатые, в полной силе
(Седина легла у виска),
О девчонке вдруг загрустили
И запели два мужика.

И не то, чтобы счастье мимо
Пронеслось у них, стороной,
И не то, чтобы нелюдимы,
Одиноки в стране лесной.

Просто хожено было много,
Этак лет, наверно, с полста,
По тяжелым земным дорогам,
И давалась жизнь неспроста.

Просто были, видать, невзгоды,
Просто трудно было не раз,
Просто вспомнили вдруг про годы, —
Так вот песня и родилась.

Высоко, высоко и тонко
К синим звездам летит она,
Как жила за рекой девчонка,
За рекой, за Шексной, одна.

* * *

Вышел вечер, облака раскинув.
День окончил все свои дела.
Выйди на прогулку, Валентина,
Вдоль по главной улице села.

Мимо палисадников и окон,
Тонкая, в батисте голубом,
Повстречайся будто ненароком
С нами, Валентина, за селом.

Я уйду, я вам мешать не стану, ---
Третий лишний, что ни говори.
Вот уже неторопливо вянут
Краски застоявшейся зари.

Вышла.
— Вечер добрый!
— Добрый вечер! —
Вся она красива без прикрас,
Острые мальчишеские плечи,
Синее сиянье ясных глаз,

Голубая блузка, плащ внаброску
Белого, что пена, полотна,
Всем ветрам открытая прическа,
Как костер, закатом зажжена.

Счастье дай такой вот — не обронит
Ни в грозу, ни в бурю, ни в беду.
Маленькие твердые ладони. . .
Что же, прощаюсь и пойду. . .

— У меня дела. . .

— Идемте с нами.

— Нет, увольте. Ну, друзья,

пока. . . —

Ухожу, ломая сапогами
Прутики сухого лозняка.

Огонек мерцает над плотиной
С неба опустившейся звездой.
Вот они проходят с Валентиной,
Тихие, над медленной водой.

Говорят, идут. Поцеловаться
Не спешат. На зоревом пути
Что спешить, когда им, может
статься,

В жизни вместе далеко идти
Так вот, никогда не разлучаясь,
У плеча плечо! А вечер тих.
Розовая пена иван-чая
Плещется на гребнях голубых.

Вот они поднялись на плотину.
Силуэты вычертил закат...
Вечер, вербы, тени, Валентина,
И во ржи коростели кричат!

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

Мой мальчишка крепко спит в кроватке,
Одеялом бережно укрыт.
Рыжие взъерошенные прядки
Полночи дыханье шевелит.

Ничего про Новый год не зная,
Смотрит сын младенческие сны.
На подушке — елки тень резная,
За окошком — желтый шар луны.

Чтоб никто мальчишку не тревожил,
Ходит сторож в шубе у ворот,
А в полях на снежном бездорожье
Новый год с подарками идет.

Он идет к мальчишке издалека,
Весь в снежинках, с головы до пят,
И об этом от Владивостока
До Карпат повсюду говорят.

Зайцы бьют в тугие барабаны,
Лапок не жалея, что есть сил,

На дворе колхозном из тумана
Сам петух о нем проголосил.

Встал петух, на жердочке качаясь,
Как костер из пуха и пера,
Гребешком зазубренным касаясь
Крыши оцинкованной двора.

Лишь один медведь коротконогий,
Видно, позабыв про Новый год,
В теплой темноте своей берлоги
Лапу шоколадную сосет.

Если бы проснулся вдруг мальчишка,
Со своей кровати ночью встал,
Он бы недогадливого мишку
За уши, конечно, отодрал.

И сказал медведю: — Что ж ты, соня,
Сам проспал, не разбудил меня? —
Полночь. Шар луны на подоконник
Из-за тучки падает, звеня.

* * *

Час назад сказал как можно строже:
Спать пора! Ссылался на часы.
Общими усилиями уложен,
Тихо спит под одеялом сын.

Брошенные возле печки в ящик
Слон с медведем, тишину храня,
Глазки неподвижные таращат,
Глядя удивленно на меня.

Да и как же им глядеть иначе,
Я ведь их — царей лесов больших —
Превратил в недышащих, незрячих,
Маленьких, тряпичных, неживых.

Сын для них привольные кочевья,
Реки и долины создавал,
Слон трубил, медведь ломал деревья,
Теплый ветер морды им ласкал.

Я разрушил этот мир руками,
Но ничто зверюшек не страшит —
Встанет их волшебник с петухами
И немедля словом воскресит.

Сыну Володе

* * *

Палочки две и одна закорючина —
Первая буква. Удастся ли стык?
Как это трудно и как не изучено.
Высунут чуть и прикушен язык.

Пот выступает на носике каплями,
Крепко зажат карандаш в кулаке.
Детство мое вновь выводит каракули
Передо мною на белом листке.

Здравствуй, ну вот мы с тобою и встретились!
Как это вышло — мне трудно понять.
Взрослыми стали давно уж те дети,
С кем я учился буквы писать.

Дымом повито, ветрами исхлестано,
Странами скрыто, любовью, войной,
Верстами, с неба упавшими звездами,
Временем, танковой тяжкой броней.

Встал, не дышу, не спугнуть бы мгновение!
Все узнаю: непокорную прядь,
Сосредоточенность и нетерпение...
Снова мы учимся буквы писать.

ПОЕЗД

Это поезд, идущий в лето,
По пути к дорогому, к заветному,
На него доставать билеты
Очень трудно простому смертному.

Надо с трудностями бороться,
Год сидеть за книгами честно,
И тогда для тебя найдется
Возле лампочки лучшее место.

Рюкзаки, как подушки, — в голову,
И — да здравствует наше лето!
Едут в Киров, Рязань и Вологду
Земляки по университету.

Поезд медленно с места тронется,
Зачарован навек простором,
И березы ему поклонятся
На опушке за семафором.

Лес протянет к нему зеленые,
От росы блестящие лапы.

Речка вынырнет под вагонами,
Вся рябая от солнца, вakraпах.

А в вагонах — все окна настезь,
Вьется кольцами дым веселый,
В область сердца, по праву счастья,
Едут юные новоселы.

Область сердца, область Сибири —
Там в пшенице один заблудишься.
И по сердцу леса на Свири:
Что задумано — все там сбудется.

Поезд полон, как ветром, песнями.
Их везут, и на каждой станции
Песня спрыгнет с короткой лестницы
И среди тишины останется.

Вот одна завернула за здания
И звенит где-то там, над рожью.
Но короткие расставания
Никого не томят тревожно.

Вот уже семафор ладонью
Приказал паровозу: трогай!
И на землю опять обронен
Гром, прикинувшийся дорогой.

Под него веселей живется,
От Москвы до Владивостока
Он не раз еще отзовется
Эхом юности в днях далеких.

К инженерам и агрономам
Вдруг при встрече случайной, где-то
Подойдет, позовет знакомо
Этот поезд, идущий в лето.

* * *

Светлый север, лес дремучий
В узорочье, в серебре...
Как медведи, в небе тучи,
Чернобуры на заре.

Ели словно колокольни,
Тишина, как спирт, хмельна,
И из трав встает над полем
Рыжим филином луна.

Пенье весел, скрип уключин,
Рокот журавлиных стай...
Не скажу, что — самый лучший,
А милей всех сердцу край!

* * *

Через края сосновых станций,
Спокойных рек, седых берез
Невидимую нить пространства
Мотал локтями паровоз,

Чтоб на безвестном перегоне,
Где дали синие легки,
Встал семафор на снежном склоне,
Урал открыл из-под руки.

В МЕТЕЛЬ

Метет метель, сугробы наметая,
По кровли селам и по грудь лесам,
Но вот луна, как нива золотая,
Издалека сверкнула небесам.
И сразу воздух неподвижно замер,
И в тишине открылась, чуть пыля,
Как будто негатив перед глазами,
Под черным небом белая земля.
Вдаль покати́лась по ее раздолью
Горошина живая бубенца,
Копытами взрывают к небу поле
Два вороных гривастых жеребца.
Над санками овчинные тулупы,
Как два костра, пылают, гнутся, жгут,
И пар летит от мокрых конских крупов,
И свищет черной молнией кнут.
Но кони вдруг, храпя и приседая,
Тяжелый останавливают бег,
Тулупы смаху седоки срывают,
Бегут вперед, — навстречу человек.
На лыжах, до бровей густым, колючим

Обросший инеем, как бородой,
С мешком заплечным, с фляжкой на случай
Спешил он по равнине снеговой. . .

*

Метель за всеми четырьмя углами
Такая, что не выйти за порог,
Как будто полюс северный снегами
Обрушился с утра на городок.
В такую пору пить чай с вареньем,
С брусникой или ягодой другой,
В лежанке пошевеливать поленья,
Как свечка побелевшей кочергой.
Старик хирург, накинув плед на плечи,
Сидит задумчив. Вот уж сорок лет
Он так привык сидеть один под вечер,
Когда пустеет этот кабинет.
Но издали в трубке телефонной
Тревожный голос вдруг зарокотал,
И в тихой поликлинике районной
Хирург над телефоном резко встал.
Слетела с плеч упрямая усталость.
Коней! Машину! . . . Только нет дорог,
И о себе опять некстати старость
Напомнила привычной дрожью ног.
А там больной, он ждет надежной, скорой,
Той помощи, которой близко нет. . .
Но весть уже прошла по коридорам
И распахнула двери в кабинет.
Хирургу молодому лишь за двадцать,
Старик не уважает молодых,
Не доверяет часто операций

И сам всегда присутствует на них.
Ворчит порой: «В мединститут приходят,
Призвания не чувствуя ни в чем.
С зубилом вам работать на заводе,
Быть слесарем, милейший, не врачом».
И он, недоуменно сдвинув брови,
Глядит в упор из-под тяжелых век.
«...Прошу вас разрешить, Иван Петрович,
Я лыжник, я дойду — там человек...».
Там человек. Когда курган Малахов
Дрожал от ядер в пламени багров,
На поле боя к раненым без страха
Шагал военный доктор Пирогов.
Там человек! — Геройством не считая,
Себе отважно прививал чуму
Российский медик Лебедев в Китае,
И наконец чума сдалась ему.
Ревели пушек тяжкие раскаты,
Локтями разгребая черный снег,
Ползли в шинелях русые девчата
Под пулями туда, где человек...
А за окном все круче снежный ветер,
Хирург накидку опустил с плеча,
Как будто к ним вошел неслышно третий
И сразу в нем хирург узнал врача.
...Ладонь сухая, легкая в упругой,
Большой, чуть дрогнувшей, она навек
Запомнится, как эта ночь и вьюга, —
«Идите, доктор, да, там человек!»
Метель гудит в ушах стократным эхом,
Толкает, опрокидывает в снег,
Но от столба к столбу идет по вехам,

На помощь к человеку человек.
Одна забота, как с пути не сбиться,
Идти вперед и во-время успеть,
Дышать на остановках в рукавицы
Да нос и щеки яростно тереть.
Не успеваешь оглянуться, лыжню
Сминает сзади начисто пурга,
И, как река, колючей пеной брызжа,
Летит она, ревушая в ногах.
Валы встают навстречу снеговые,
Грозь смахнуть и смять его легко,
В тулупах хвойных ели вековые
Распахивают полы широко.
С трудом поймав огонь на сигарету,
На пять минут приткнулся у ствола,
Передохнул меж хвойных лап согретый,
Теперь уж недалеко до села...
А ночь летит над всем земным простором,
Конца и краю вьюги не видать...
Из городка колхозную контору
Телефонистка требует опять.
Спит городок, а в комнате на почте
Тепло от изразцов печных плывет,
В тепле, не зная, как врачу помочь ей,
Сидит она сейчас, а врач идет.
К стене прибило у крыльца березы,
Железо с крыши почты ветер рвет,
Пятнадцать километров до колхоза,
Метелица метет, а он идет.
Бледнеет в городке телефонистка.
В наушниках пугает тишина.
За эту ночь ей стали очень близки

Больной и врач, и слышит вдруг она:
«Мы лыжников и лошадей сейчас же
Пошлем встречать товарища врача...»
И, кажется, она их видит даже,
В контору входят парни, грохоча.
В конюшне конюх в санки запрягает
Двух рысаков, гривастых, огневых.
И, обо всем на свете забывая,
Она уже сама кричит о них:
— Иван Петрович, слышите — встречаются.
— Иван Петрович, милый, дорогой...
И не звонок мембрану колыхает,
А бубенец залился под дугой...

*

Луна плывет над белыми домами,
Храпят в упряжке кони у ворот,
Копыта снег и поводя боками,
И молча у крыльца стоит народ.

В медпункте тишина, у белой двери
В халатах фельдшер и сестра с врачом.
«Успели во-время, диагноз верен,
На стол больного, и сейчас начнем».
Наутро, будто вьюги не бывало,
Горит заря. По краю большака
Березы в инее пушистом, алом,
Как розовые встали облака.
Сугробы расчищая вдоль по тракту
Бревенчатым тяжелым утюгом,
Пронес, гремя на всю округу, трактор
Свой эмтеэсовский рабочий гром.

Как осенью под сечкою капусту,
На улице дорогу мнут пимы,
Скрипит снежок рассыпчато и вкусно,
И зацепились за дома дымы.
Он вышел, провожатыми смущенный,
На улицу села. Хорош денек!
А бабушка в тулупчике дубленом
Сует ему упрямо узелок. . .
И вот автобус с кузовом зеленым,
Билет за два рубля до городка,
В автобусе молочницы, бидоны,
С бензином смешан запах молока.
И тотчас же кричит шоферу кто-то:
«На месте доктор. Трогай, брат Кузьма!»
Мотор зарокотал с полоборота.
День начался.
Районный тракт.
Зима. . .

ЛЕСОВОД

В степи, где суховеи неизменны
Да рыжие текучие пески,
Ему еще пока что до колена
Не достают, но занялись дубки.

Над каждым он склонялся со стараньем,
Как будто бы он пламень раздувал
Листвы негромкой собственным дыханьем,
Рвал сорняки и землю поливал.

Уже в тени зеленого навеса
Пичуги отдыхают от жары. . .
И вот он встал посередине леса,
Любуясь на зеленые костры.

Когда-нибудь на праздничной равнине,
Под кронами столетними дубов,
Когда не будет на земле в помине
Ни этих суховеев, ни песков,

О нем потомки вспомнят. И в тумане
Голубоватой утренней росы

Таким же точно он для них предстанет,
Как в этот день стоял у полосы:

Сутулый, в гимнастерке неизменной,
Ладони заскорузлы и грубы,
И точно так же будут до колена
Тогда ему столетние дубы.

БАЛЛАДА О ЦВЕТАХ

Эту быль мне как сказку они рассказали —
Все в цветах, золотые российские дали.

Белый-белый, красивый, большой, словно город.
Теплоход из столицы на Дон отправляли.
Садоводы — хозяева главные сборов —
Изо всех садоводств собрались на вокзале.

А на палубе — царство созданий зеленых:
Язычками огня пламенеют пионы,
Словно белые звезды, мерцают нарциссы...
Дал гудок капитан, трапы приняла пристань.

За кормою смыкались звенящие воды,
Рулевые сменялись не раз на штурвале.
К теплоходу за взятком весеннего меда
Пчелы, может, с пяти областей вылетали.

Но однажды пришли две малютки сестрички:
Голубые глаза, золотые косички.
Ветерок с ними вместе притопал попутный,
И в руках у них были цветы — незабудки.

Капитан — где глаза, где цветы — перепутал,
И не мог капитан не принять незабудок.
Рулевые негромко в тиши напевали,
Берег плыл, волны звонко по солнцу стучали.

Но явились девчата-колхозницы с пашни,
Озорные, веселые Кати и Маши,
Заявили: — А есть ли у вас тут ромашки? —
Нет ромашек! И хлынули на борт ромашки.

Мне на Волге потом рассказали матросы:
Плыл по Волге цветами усыпанный остров,
Уступали дорогу ему караваны
И махали флажками ему капитаны.

По приволжским лугам, берегам и полянам,
В травах буйных по пояс, как дети босые,
Вслед вдогонку бежали за ним неустанно
Все цветы полевые весенней России.

Скоро или не скоро, а только бесспорно,
Показался вдали удивительный город.

Там от Волги до самого тихого Дона
Поднимается лестница в плитах бетона,
Там ступени из сплава двух рек величавых,
По которым ходить теплоходам державы.

Словно радуга с неба на землю упала —
Захлестнуло цветастой волной все причалы,
И уж так получилось, ни много ни мало,
А руками строителей трассу канала
Вся держава цветами в тот день украшала.

* * *

Как линкоры, заложенные в степи,
Поднимают шлюзы борта,
На железные ребра броню нацепив
Из бетона, к плите плита.

Многоверстной плотины желтеет вал,
Клювы кранов проносятся, воздух чертя...
Я таким марсианский пейзаж представлял,
В детстве книги фантастов прочтя.

Взлет мечты на пустынной, голой земле,
Но в забоях заминка произошла,
И шоферы с каждой минутой злей,
По-земному такие клянут дела.

Машинистам в забоях рук не отнять
От стальных рычагов, а в глазах одно:
Котлован, самосвал, котлован и опять
Дно канала и кузова дно.

А железо такое: плюнешь — шипит.
Тень, как камень, падает ниц.

Сухой слепит, на зубах скрипит,
Сушит пот через ткань рукавиц.

Машинистам минута — три тонны земли,
Глубина четырех кубов.
Машинисты в железо кабин вросли,
Не считают они часов.

А над степью такая стоит высота —
Не достанешь стрелою до синевы.
И за пылью сияньем дня залита
Все земля от Цимлянкой до самой Москвы.

Степь в далеких забоях звенит, как медь,
Чтобы реку с рекой связать.
И об этом надо не только уметь,
Надо право иметь сказать.

МАЛЬЧИШКА

Романтика — это не только в книжках!
И в жизни место у ней свое. . .
Жил на Дону в Калаче мальчишка —
Самый верный рыцарь ее.

Она ему спать по ночам мешала,
Небом и недрами искушала,
По дисциплине баллы снижала,
Дома ему за нее влетало. . .

Но полюс открыт. Комсомольск построен,
Под сенью незыблемой тишины
У танка на площади спят герои
Великой Отечественной войны.

Вокруг только степи зимой и летом
Да тихий на самом деле Дон. . .
Романтика с первых страниц газеты
На стройку Московского университета
Его позвала, и собрался он.

Вычерчен точно маршрут в столицу,
Всю ночь бы мальчишка мог промечтать

О высоте, до которой птице,
Даже птице, крылом не достать.

Приснились ему в облаках стропила...
Уж день занимался над Калачом,
А он поднимался по ним, и била
Струя автогена в руках ключом.

Не знал он, что на газетных страницах
О стройке с утра напечатан закон
И что мальчишки в Москве, в столице,
Чертили маршруты уже на Дон.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА

У Марьи Гавриловны много хлопот:
Днем никогда она не присядет,
Ночью в любое время встает,
Встречает гостей, достает тетради.

Неловко рукой карандаш берет:
— Фамилия... Имя... Отчество? —
И на свободную койку ведет:
Спать ведь сердечному хочется.

— Тут и ложись, до утра поспи, —
Шепотом льется речь ее. —
Хозяин койки где-то в степи,
А утро мудренее вечера.

Ветром дыхания ночь полна,
Душная, напряженная...
Льется из окон на лица луна,
Сном до утра смягченные.

Спят инженеры, и техники спят —
Гостиницы маленькой жители.

Посмотрит, как на своих ребят,
Гавриловна на строителей.

Крайний наказывал в пять поднять —
Надо чайку вскипятить заранее.
Плохо стал экскаватор шагать,
Мается парень с шаганием.

Покоя не знает даже во сне,
На узкой койке ворочаясь.
А ходики тихие на стене
Ночь прошивают строчкою.

Одежду упавшую подобрав,
Уложит, чтобы не морщилась. . .
Марья Гавриловна — зам и зав,
Директор она и уборщица.

Кто как зовет. А только ее
Мамою звать бы надо:
Помоет полы, постирает белье,
Везде наведет порядок.

Не перечислишь даже всего,
Что она за день делает.
И, словно не делала ничего,
В беседе общей — несмелая.

Такое уж свойство русской души. . .
Скажешь: — Да как вы одна с заботами?
— Чего уж заботы мои, не смеси,
Вот уж ребята — работают.

Будто чем виновата сама,
Что гор она не ворочает,
Не строит плотин, не возводит дома,
Лишь по хозяйству хлопочет.

А парни приходят, от пыли седы,
Спецовку долой и ботинки...
От ведер колодезной злой воды
Гремит умывальник цинковый.

Солнцем и степью веет от спин.
Глядит она, горькой любви не тая...
Был до войны у Гавриловны сын,
А теперь — только все сыновья.

В КЛУБЕ

Вечером на трассе Волго-Дона,
Там, где звезды и огни горят,
В клубе Береславского района
Выступают деятели МХАТ.

Зал отхлынул, как река, и замер.
И, от рампы отрывая взор,
Свой забытый выпускной экзамен
Почему-то вспомнил режиссер.

Всколыхнулись легкие кулисы,
И, вступив в высокие права,
Всей стране известные артисты
Произносят первые слова...

Первые тревожные движенья,
И по ним, дыханье затая,
Видит он, в каком сейчас волненье
Все его старинные друзья.

Люстры все еще идут на убыль,
Тают, исчезая без следа,

А за светом рампы в зале клуба
Тишина на сорок три ряда.

Пыль, мазут коричневый и копоть
Час назад с тяжелых рук отмыв,
Вот они сидят, о локоть локоть,
Все еще пока не позабыв

О бетоне, о земле, о камне,
О машинах в мареве степей, —
Девушки с льняными волосами
И глазами неба голубей,

Парни, опаленные жарою...
Вот они сидят, творцы чудес,
Зрители и главные герои
Будущих непревзойденных пьес.

Выступать артистам приходилось
В деревенской школе и в цеху,
Повидать артистам доводилось
Зрителей немало на веку,

Только нынче вспомнилось иное,
Захлестнуло жаркою волной:
Может быть, танкистам под Москвою
Так они концерт давали свой.

В бой уходит через час бригада,
Сорок башен танковых молчат,
И сегодня точно так же рядом
Громы несмолкаемо гремят...

А за рампой будто стало пусто,
Зал молчит по сорок третий ряд...
Высшие ценители искусства
В зале, краской пахнущем, сидят.

ПАМЯТНИК ТАНКИСТАМ В КАЛАЧЕ

Есть могила в Калаче над Доном,
Взорам и ветрам степным открыт,
С пушкой, в степь донскую наведенной,
Танк на каменном холме стоит.

Он прорвался с Волги утром ранним,
И, склонясь у полыньи на льду,
Шлемом зачерпнул воды механик
У России целой на виду.

Круглый люк над башнею откинут,
Открывая купол голубой.
Спит спокойно экипаж машины,
Побратавшись навек меж собой.

А вверху, цементом пропыленны,
Воздух разрывая на куски,
Днем и ночью с камнем и бетоном
По шоссе летят грузовики.

И с могилою солдатской рядом,
Там, где шлюз тринадцатый, — с утра

Раздают десятники наряды,
Грунт идет в забоях на-гора!

О причалы пеною плеская,
Заливая навсегда пески,
Вот уж в степь идет вода донская
К водам Волги-матушки реки.

Видит танк порталных кранов стрелы,
Башни шлюзов, насыпи плотин,
Труд людей, не знающих предела,
Битву суховеев и машин.

Он стоит по собственному праву,
В центре дел над Доном, молчалив,
В дальний год навеки для державы
С Волгой тихий Дон соединив.

ВОЛГОДОНСКИЙ ДОЖДЬ

Он застал нас в степи, от него не уйдешь,
Он хлестал по машине в упор,
В нем от зноя хрипел, задыхался мотор,
А водитель шутил: — Волгодонский дождь. —
По железу, по стеклам наискосок,
Как наждак оставляя следы,
Дождь — косою, проливной, без пылинки воды —
Раскаленный крутой песок.
Мне казалось, что вскинешь за дверцей
ладонь —

И по коже пойдут пузыри.
Мне казалось: машина идет сквозь огонь
(А водитель сто раз эту трассу торил).
Замутилась дорога, и прутик стальной
Протирал на стекле полукруг
Неба синего, желтой равнины степной —
Открывал северянину юг...
Там, на севере, льют в эту пору у нас
Настоящие с неба дожди.
Их бы в эти безводные степи на час —
Можно было бы их разбудить
Шумом трав, тихим стуком смолистых ветвей
И негромкой свирелью ручья,

Но в степи бушевал без конца суховей, —
Возмутился природою я.

А водитель, как видно, не думал о том,
Не мечтал о далеких дождях, не грустил,
Просто бутовый камень, песок да бетон
Для плотин и для шлюзов водитель возил, —
Для плотин, у которых морям грохотать,
У которых садам расцветать,
От которых дорогу дождям начинать
И ветрам поворачивать вспять.

ЯБЛОНЬКА

Где-то посредине лета,
В волнах света, ветра, тепла,
В плащ-палатку листвы одета,
Плечи яблонька подняла,
В небеса взглянула задорно,
Полюбила их всей душой
И решила пробыться твердо,
Став красивою и большой,
До небес, по которым катит
Солнца жаркое колесо,
До высот, где по горло хватит
Птичьих песен и голосов.
Время над головой летело
Солнцем, ливнем, снежной пургой,
Стала яблонька, как хотела,
И красивою и большой.
Ей казалось — сама сумела,
Поднимаясь за шагом шаг.
Только было, мы знаем, дело
С этой яблонькою вот так:
Чтоб ее не сломало ветром,
Человек, не жалея сил,

В землю рядом с ней на полметра
Крепкий посох дубовый вбил.
Ей морозом ветки знобило,
Были дни ее сочтены,
Вьюга снегом ее укрыла —
Шубой теплою — до весны.
Без воды листва погибала,
Завиваясь в стручки. Но к ней
Туча ливень теплый послала,
Напоила влагой своей.
Вот и стала она зеленой
Да красивой — солнцу сестра,
Небеса задевая кроной,
Останавливая ветра.

ВЕСЕННЕЕ

Снова ветры с юга подули,
Дни летят в голубой пыли.
Степь из края в край захлестнули
Травы, маки и ковыли.

А под самым солнцем, над степью,
Грозы в медные трубы гремят.
Из Египта на север цепью
Гуси-лебеди вновь летят.

Впереди вожаки крылами
Воздух плотный упрямо мнут,
Древним зовом, сильней, чем память,
Реки севера их зовут.

А станичные старожилы,
Удивляясь, в небо глядят:
Видно, птицам чутье изменило,
Вот над степью они кружат.

Там, где не было даже речек,
Отколовшись от стай, — взгляни, —

Покружившись, земле навстречу
Устремляются вдруг они.

Сверху их вожаки скликают,
Манят, машут, долго крича,
Но рedeют в дороге стаи
От Цимлы и до Калача.

ПЕСЕНКА

М. Исаковскому

Рыжий дождик бегал с ветром взапуски,
Речку затопили небеса,
Солнце по небу ходило запросто,
Но происходили чудеса.
С неба лес спускался к речке лесенкой,
Колокольцы падали с весла,
И нехитрая, как полдень, песенка
В том краю родилась и пошла.
С ней сдружились плотники и пахари,
А у них дела по всей земле —
Услыхав ее, баяны захали
Даже в самом песенном селе.
А была она короче коротка,
Ничего особенного в ней,
Но, видать, в ней что-то людям дорого,
И они сочли ее своей.
Даже в океане Атлантическом
Кочегар сменился у котла,
И под небом душным и тропическим
Песня, как над Волгой, поплыла.

Значит, в ней жила, звучала русская,
Грустная в тот миг душа-краса
И звала домой, как тропка узкая...
Так и происходят чудеса.

ДОЖДЬ

Шла туча издали
Черна, лохмата.
И вдруг над избами,
Как из ушата,
Дождь опрокинула.
Под грома окрик
Литавры вскинула,
И дрогнул округ.
Дождь бы и рад в луга,
Но нету арки, —
И встала радуга
Под солнцем жарким.
Капуста крикает
На огороде, —
Во время всякое
Ей дождик годен.
А вот косцам в лугах
Дождь как измена —
Они гребут в стога
И в копны сено.
Идет дождь напуском,
От солнца пегий,

Но, видно, взапуски
Давно не бегал...
Растут в лугах стога,
И, словно саблями,
Встречают дождь луга,
Сверкая граблями.

ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

Здесь, сужаясь и приседая,
В темных зарослях ивняка,
Вниз с плотины, почти седая,
Вертикально летит река.

Опрокинутая на спину,
На лету превращаясь в гром,
Гулко падает в пасть турбины
И закручивается винтом.

Продолжают ее вращенье
Якоря динамо впотьмах,
И мы слышим ее гуденье
В металлических проводах.

На железных ногах, по звеньям
Пропыленного большака,
Здесь высокого напряженья
По стране шагает река! . .

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

Советской власти был лишь только год.
С плакатов РОСТА, суриком и мелом,
Красноармеец звал на бой народ
С международной гидрою и с белой.

Решил Совет рабочих и крестьян
Назначить праздник — скоро год восстанью.
И вот приказ войскам столицы дан.
Кумач отпущен для убранства зданий.

Разбужена вся матушка-Москва,
Пока еще булыжная, с церквами,
Она еще такого торжества
Не видела, хотя стоит веками.

У Спасских царских выездных ворот,
В шинели, куртки, в стеганки одетый,
Свой красный праздник празднует народ
Впервые за историю планеты.

С народом Ленин. Радостью полны,
Рабочие, крестьяне и солдаты

Затихли так, что всем слова слышны. . .
О, как минуты эти будут святы!

Еще смертельным шириться боям,
Еще ломать и строить неустанно,
Еще в газетах нету телеграмм
Ни от одной державы иностранной. . .

Еще пройдет немало дней и лет,
Пока откроют шлюзы Волго-Дона,
В Москве построят университет, —
А уж стоят строители в колоннах.

День залит весь осенней синевой,
Хрустит ледок под каблуками в лужах,
Как голуби, порхают над Москвой
Листовки с самолетов неуклюжих.

Горят под солнцем флаги на Кремле. . .
Вот Ленин руку над трибуной вскинул, —
Впервые праздновалась на земле
Советской власти годовщина.

Меня на свете не было тогда,
Но для меня и новых поколений
Сегодня, как и в те года,
Победный путь указывает Ленин.

ЛЕНИНСКИЙ БРОНЕВИК

Шел апрель семнадцатого года.
В Петрограде, за рекой Невой,
Открывая к счастью путь народам,
Ленин стал на башне броневой.

Берег революции гранитный,
Тысячи людей к плечу плечо...
С той поры во всех великих битвах
Броневик был всюду с Ильичем.

Он стоял у Смольного в дозорах,
Согреваясь у костров ночных,
Зимний брал, как младший брат «Авроры»,
Впереди отрядов штурмовых.

А когда Антанта на Советы
Двинула со всех сторон войска,
Говорят, что на гражданской где-то
Затерялся след броневика.

Нипочем ему огонь орудий,
Он ходил в метели и огне.

Говорят, его видали люди
В трудный час почти по всей стране.

Лентой пулеметной опоясан,
Комиссар в кожанке, большевик...
На немыслимых путях и трассах —
Всюду появлялся броневик.

И однажды с хода, с разворота,
Говорят, прорвавшись сквозь туман,
Он увидел оком пулемета
В самом деле Тихий океан.

Черный дым на горизонте таял —
От эскадры иностранной след.
Облака летели из Китая,
Кувыркались чайки, плыл рассвет...

Кончилась гражданская. И снова
Не могли его нигде найти.
Может, был он демобилизован,
Может, в кадрах службу стал нести.

Скромный, рядовой слуга народа,
Верный долгу, старый большевик,
Снова он в предгрозовые годы
Объявился людям — броневик.

На него в войну равнялись танки,
Рвя блокаду бурей броневой.
Он опять ходил во все атаки,
Был он под Каховкой и Москвой.

Ветеран боев за власть Советов,
Миру, солнцу вешнему открыт,
Он и по сей час в броню одетый
В Ленинграде над Невой стоит.

ЗВЕЗДЫ

В центре района, у штаба работ,
Где георгины цветут горячо,
Звезды участков поставил народ,
Планки фанеры обвив кумачом.

Лампочки — в каждой по тысяче ватт ---
Не для красоты, а во славу труда:
План выполняется — звезды горят,
Плохо работали — гаснет звезда.

Так уж решили без лишних затей:
Краски заката в пыли отцветут,
Встанет, с разбега замрет суховей —
В штабе итоги работ подведут.
Пусть загораются в небе тогда
Пятиконечные знаки труда.

Свет их — бессонница конструкторов,
Точность прорабов, что стройку ведут,
Сила бетонщиков, мостовщиков,
Плотников пот и трамбовщиков труд.

Вечером синим далеко видны
Звезды, что силой труда зажжены.
По горизонту над степью подряд
Мачты соседних районов горят.

Где-то, не видные в дальних горах,
Лампы шахтеры зажгли на копрах.
Светит на северном склоне небес
Звездочка Марьинской МТС.

И потому, что вся наша земля,
Все до границ государство труда,
Трудится ночи, дни и года, —
Светят над миром звезды Кремля.

СОДЕРЖАНИЕ

Экзамен	3
«Приснилось мне жаркое лето...»	5
«А мы такую книгу прочитали...»	7
«Руками, огрубевшими от стали...»	8
«Идут солдаты, от сапог.. »	10
Перед наступлением	11
«Поутру, по огненному знаку...»	12
Карбусель	13
Танки в Новгороде	15
«Кузнечики стучат в траве...»	16
√ Это было 19 марта 1943 года	17
Песня о кочегаре	19
Прощанье с землянкой	20
Атака на рассвете	21
Пыль	22
«Его зарыли в шар земной...»	23
«Жить от атаки до атаки...»	24
Песенка	25
Осень	26
На марше	28
После марша	29
«Погадай мне в этот вечер...»	30
На ночлеге :	32
Костер	33
√ Ирландская застольная	35
«В танке холодно и тесно...»	36
«Песня — что-то вроде костра...»	38
Отдых	39
Дружба	41
В землянке	42

После боя	43
Стихи о переправе	44
«Дымок — дыхание костра...»	46
Ночью	47
У сгоревшего танка	48
Кукушка	50
Смотровая щель	51
«Да, не поле перейти...»	52
«Как стога стоят снега...»	53
На привале	55
Гвардейское знамя	56
«У огня своя архитектура...»	57
Поезд	58
Живая вода	59
«Пароход покричал, покричал...»	60
«У той березки, где с тобой...»	61
Перед порогом	62
«Вот человек — он искалечен...»	63
«Всю вселенную проехав с боем...»	64
Вино	66
Дома	67
В метель	69
Памятник	71
«Человека осаждают сны...»	75
«В пустых землянках, в спутанных траншеях...»	76
«Где тишина и запустенье...»	77
Поле	79
9 мая 1945 года	80
На поверке	82
Полк обедает	84
Ночью в казарме	86
Застава имени Коробицына	87
Начальник заставы	89
Тишина	92
В этот день	93
Площадь Революции	95
В городском саду	96
Перед парадом	98
«Люблю строительства леса...»	100
«Время песне настало...»	102

У себя дома	104
Дергач	107
«Гудок над пристанью вечерней...»	108
После дождя	110
«Опять плывет закат над реками...»	111
Паромщик	113
Голубь	115
«Низко пригибая травы лета...»	117
Фотограф	119
Шура Капарулина	122
Жеребенок	125
В чайной	127
«Всплошную голубым узором...»	129
Колодезный журавль	130
«Опять пойдут хлестать метели...»	131
Пловучая культбаза	133
«Есть где-то моря-океаны...»	135
В Рыбинском море	137
Старый буксир	139
«Облако за месяц зацепилось...»	141
Тыква	142
Ночь	143
«Словно башни победы на рыжих увалах...»	145
«Здесь постепенно умирает лето...»	146
Журавли	147
«Ты любовь не зови...»	149
Письмо	151
Зима	153
Бакенщик	155
Чалекса	157
На пристани	160
Плотогон	162
В поле	164
В кино	166
На вокзале	168
Курортники	170
Студентке	172
В теплице	175
Стихи о первой любви	177
Станция «Валя»	179

**ЧЕРЕПОВЕЦКАЯ
РАЙОННАЯ
ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

Новелла	181
Песня в Кашине	183
Песня	185
«Вышел вечер, облака раскинув...»	187
Новогодняя сказка	190
«Час назад сказал как можно строже...»	192
«Палочки две и одна закорючина...»	194
Поезд	196
«Светлый север, лес дремучий...»	199
«Через края сосновых станций...»	200
В метель	201
Лесовод	207
Баллада о цветах	209
«Как линкоры, заложенные в степи...»	211
Мальчишка	213
Марья Гавриловна	215
В клубе	218
Памятник танкистам в Калаче	221
Волгодонский дождь	223
Яблонька	225
Весеннее	227
Песенка	229
Дождь	231
Гидроэлектростанция	233
Первая годовщина	234
Ленинский броневик	236
Звезды	239

ОРЛОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ. СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *Вс. П. Воеводин*

Художник *П. М. Тихонов*. Худож. редактор *И. С. Серов*

Техн. редактор *С. И. Брусиловская*. Корректор *П. Е. Суздальский*

Сдано в набор 7/11 1956 г. Подписано к печати 24/IV 1956 г. М 19875

Бумага 70×108/32. Печ. л. 7,62(10,44). Уч.-изд. л. 5,69. Тираж 15 000.

Цена 3 р. 45 к. Заказ № 160.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28.

Типография № 3 Управления культуры Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., 1/3.